

Владимир Гершуни

"Молнеглазые Феероглифы..."

ИЗБОРНОЕ

ИЗБОРНОЕ

ИЗБОРНОЕ

Владимир Гершуни

«Молнеглазые Феероглифы...»

Изборное

Москва, 1998

Владимир Гершуни

«Молнеглазые феероглифы...». Изборное.

В.Л. Гершуни. «Молнеглазые феероглифы...». Изборное. М.: Новый самиздат, 1998. — 50 с.

В книгу вошла лишь малая часть литературного наследия Владимира Гершуни (1930-1995). В основном это литературные заметки, эссе, статьи, очерки и т.п., опубликованные в журнале «Поиски», выходившем в самиздате в 1978-1980 гг., одним из создателей, редакторов и авторов был В. Гершуни. «Непоисковские» публикации помечены звездочкой «*».

Биографическая справка автора взята из сборника «ЖУРНАЛ ПОИСКИ. Документы и материалы». Составители Л.Афанасьева и Е.Линкова, Редактор Н.Митрохин. Москва. Июль 1995.

Оглавление

Мир наоборот (<i>вместо предисловия</i>)	5
Логоратория.....	7
О книге «СУПЕРЭПУС» Владимира Гершуни. <i>Самиздат. Москва 1977 г.</i>	7
Суперэпус* (<i>Предисловие к книге палиндромов</i>)	11
Словопроходцы*	12
Словязь	13
Сверлибр	18
Происки.....	21
Юбилей одного стихотворения	27
Публицистика	31
Не стало Толи Якобсона.....	31
Фемида ля комедия.....	36
Идеологи с большой дороги.....	39
Приложение	43
Два сюжета*	43
СПБ — ЭТО ЗВУЧИТ ВЕЧНО?* <i>Карательная спецпсихиатрия движется вторым эшелонном к услугам спецпатриотов</i>	44
Вместо послесловия	48

...В самиздате были романы, сборники стихов, эссе, журналы, теоретические, полемические, искусствоведческие работы, исторические исследования, критика и литературоведение, сатира, даже литературные мистификации. «Поиски» вмещали все. В самиздате это был единственный толстый журнал, да еще иллюстрированный...

Вот названия отделов и рубрик журнала: «СССР: поиски выхода»; «Экономика»; «Перекресток»; «Сомнение»; «Педагогика»; «Теория и жизнь»; «События и судьбы»; «Спротивление»; «Время в письмах»; «По родной стране»; «С того берега», «Стихи»; «Проза»; «Драматургия» с отдельными подрубриками; «Слово узникам Архипелага»; «Из запасников самиздата»; «Логоратория»; «Литературные заметки»; «Культура»; «Дневники»; «Мемуары»; «Форточка» (журнал в журнале).

Разделы и рубрики, весьма были емки, и в названиях не отражено все разнообразие материалов и жанров (объем номеров — по 300-450 страниц, но в зарубежном переиздании по техническим условиям — 260 страниц).

Как ни узок был круг его читателей, стократно расширился он с помощью эфира, пронизываемого вражескими голосами. Изобретенное Николаем Глазковым еще в 40-м году (как рассказал он в позднем стихотворении) слово самиздат уже тогда, в 70-е, стало символом еще не чайной в обществе свободы печати, раскрепощения мысли, духа общественного мнения...

Много чего бывало за 290 лет русской журналистики. Но не было еще такого, что происходило с этим журналом и вокруг него. Около полусотни привлекавшихся по делу в ходе дознания, следствия и судов над девятью редакторами и сотрудниками журнала. Более тридцати обысков, уличные захваты редакторов и сотрудников, рецензии и доносы для судов, выполненные в духе чекистско-бульварной газетной продукции, в целях чего были задействованы академические институты...

Следствие направило «Поиски» на экспертизу. Эксперты семи номеров журнала — профессора и доктора истории, философии: В.Н.Кудрявцев, Модржинская, Украинцев, Трукан, Ржешевский, Тимофеев. Кто-то из них тоже был членкором, кто-то директором института...

Академику-юристу В.Н.Кудрявцеву не пришлось долго мудрить, он сформулировал свое заключение прямо по бывшей статье 70-й УК РСФСР, да с намеком на 64-ю «Измена Родине»: Речь идет о полемике вокруг эффективности и предпочтительности того или иного из предлагаемых вариантов преступной деятельности, нацеленной на подрыв советского государственного и общественного строя и его свержение.

Лубянке было чего страшиться: журнал обнадеживает творческих людей и читателей... Он — последняя надежда спасательный круг для многих авторов... Положение казалось бы безнадежным, если бы и авторы, и редколлегия позволили себя запугать, если бы они с меньшей смелостью шли по новому пути, открывшемуся нам в последние годы стечением ряда обстоятельств, если бы они покорно вернулись в стойло и позволили снова надеть на себя намордник цензуры. Судя же по их последним действиям, эти люди не таковы... Редколлегия не намерена складывать оружие и будет продолжать работу...

Из очерка Владимира Гершуни. «Дело N 50611/33-80». Краткий обзор сведений и некоторые воспоминания о журнале «Поиски». (конец 80-х -начало 90-х годов).

Мир наоборот

(вместо предисловия)

В субботу мы с папой поехали на урок музыки. По дороге я рассказала ему о школьном задании: надо написать сочинение на тему «Мир наоборот». Мы стали думать: о чем бы нам написать? И тут как раз перед нами шоссе, по которому мчалось много машин. Я думала о задании и, забыв про это опасное место, пошла через дорогу. Мчавшаяся мимо машина тревожно загудела, папа подхватил меня и поставил на тротуар.

«Вот, — сказал папа, — давай сочиним с тобой правило перехода улицы, на которой нет светофора. Только напишем его наоборот.»

И вот какое правило у нас получилось.

Подойди к шоссе. Вначале
сосчитай: один, два, три.

И спокойно — трали-вали -
ты направо посмотри.

А, когда до середины
этого шоссе дойдешь,
ты, наверно, три машины
по дороге и собьешь.

Так, войдя во вкус движенья,
ты налево погляди,
без раздумий, без сомнений
медленно вперед иди.

Если же не попадетсЯ
автотранспорт на пути,
то тогда тебе придется
вновь дорогу перейти.

Ты ходи туда, обратно,
будь настойчив, не спеши...
Так раздавишь вероятно
сотню добрую машин.

Потом мы стали читать слова наоборот. Это было очень смешно... Еще папа рассказал мне про такие волшебные слова, которые и туда, и обратно читаются одинаково. Вот примеры таких слов: *топот, мадам, еще, ее, алела, топот, казак*... Можно придумывать целые фразы, которые и в одну, и в другую сторону читаются одинаково. Только при чтении наоборот приходится буквы соединять иначе. Такие фразы называют перевертышами, перевертнями. Некоторые поэты сочиняли целые стихи из перевертышей. У папы был друг, который написал много таких стихов и поэму из шестисот строк-перевертышей. Его имя на слух звучит немного смешно, немного грустно — Гершуня. На самом деле поэта звали Владимир Львович Гершуни. Вот один из его стихов из перевертней.

У рояля ору,
я — рев зверя!
Урок ору.
А мама
алела —
она и пиано,
но и пион!

И вообще, Владимир Львович был человеком из мира наоборот. В обычном мире писатель увидит, что у него вышло слово с ошибкой, и тут же его вычеркнет, а Гершуни наоборот сочинял стихи и рассказы, в которых было много слов с ошибками. Например:

«Ах, бродители-теребители, зудянки, хворонье!
Мы просили спеть нам сюренады,
а вы заливааете хромансы,
помпулярные, точно лозунги...».
Или:
“Рассветный бредседатель
поднимет дымовладельцев,
объявит про динозавтрак...»

Все стихи Гершуни папа читал по памяти, потому что людям из мира наоборот не так просто жить в нормальном мире. И хотя у Владимира Львовича так много хороших и смешных стихов и рассказов, достать их и прочитать очень трудно. И тогда я попросила папу, чтобы он что-нибудь придумал. «Хорошо, — сказал папа, — я соберу все листочки, которые у меня остались от Гершуни и издам книжку»...

Из школьного сочинения Кати А.

Логоратория

О книге «СУПЕРЭПУС»

Владимира Гершуни.

Самиздат. Москва 1977 г.

Эта книга вводит нас в мир, где грань между обычным и зазеркальным стирается, и мы, споткнувшись на первой же строчке, не сможем пойти дальше, пока, волей-неволей, не прочитаем ее еще раз наоборот.

Море. Ром.
Отель и лето.
А тела у туалета.

И будем смеяться дважды: скатившись за строчкой –

Гни, комсомол, лом о смокинг –

«туда» и возвратившись «обратно».

«Суперэпус» – сборник перевертней (и даже заголовок здесь тоже перевертень), и я не погрешу против истины, назвав его уникальным. Ну-ка, припомните, читатель, где-нибудь еще вам встречалась поэма из шестисот (!) строк перевертней? Добавлю, что поэма «Тать» из «Суперэпуса» интересна и сама по себе, безотносительно к завораживающей симметричности каждой строки.

Ее
дивен мне вид!
У дива на виду
Я утеснен, сетуя,
и лоб томим от боли
от чуда-ладу: что
Успенье псу?

Молися Силом.
И омыты мои
очиньки, лик... Ничо,
вымолил, омыв
ее
укором тенет мороку.
Я славил боль, обливался
ей, нем, ан знамение
яро в тиши творя...
Меня истина манит сияньем!

«Сочинитель перевертней, – пишет В. Гершуни в предисловии, – независимо от собственного желания, не ведет за собой слово, а сам идет за словом, как за сказочным клубком... Работая в этом жанре, автор почти никогда не знает, куда катится клубок. Зацепившись за какое-либо слово, он и за минуту не предвидит, каким оно рассыплется спектром – здесь играет некая радуга-калейдоскоп, в ней то и дело перемешиваются все цвета».

Мело полем.
На рубеже буран.
Игру пурги
уняв, я вяну,
мету путем,
и еле темп метелей
унял. Клянун.

У рояля ору,
я – рев зверя!
Урок ору.

Ох, эхо,
роди рокот о коридор!
Мажор, оплатив топот, витал по рожам,
а мама
алела –
Она и пиано
но и пион!

Еще, еще
одно рондо! –
и тети
икру замечут в туче мазурки!

Что это? Игра? Эстетские упражнения? Волшебство? Поиск тайных, неведомых нам возможностей в самом слове и в способах соединения слов?

Отложив последнюю страницу сборника, вернемся к предисловию (нам не сразу удастся перестроиться с перевертышей на обычный текст, и мы еще долго будем ворочать каждую строчку, пытаясь отыскать грань зеркальности), в котором автор знакомит нас с предысторией появления «Суперэпуса».

«В период триумфального шествия нашей политпсихиатрии (1969 – 74 гг.) автор убедился, что для здорового человека, надолго помещенного в желтый дом, составление перевертней – лучший способ спастись от сумасшествия. Эти упражнения, интеллектуальные, почти как шахматы, и азартные, почти как карты, до отказа заполняют досуг, стерилизуют сознание от всего, что могло бы ему повредить, перестраивают структуру мышления таким образом, чтобы оно было постоянно и прочно избавлено от изнуряющей его губительной заикленности в ближнесущных проблемах, которая для эка спецпсихтюрьмы может стать причиной духовной, моральной, а то и психической катастрофы. В отличие от обычных тюрем, в желтой тюрьме человек не только заживо погребен, но погребена и его мысль, его дух – в той обстановке беспросветного, идеального бесправия, которую не пробивает даже активная поддержка и защита извне. Там постепенно исчезает желание и способность к чтению, адского напряжения ума требует даже писание коротких писем. Деформируется восприятие реального, и сюрреалистическое, кафкианское делается доступным и близким – но не так, как для ребенка волшебная сказка, мобилизующая хоть небольшие усилия воображения, а так, как во время бреда галлюцинаторные образы, в реальности которых больной не сомневается...»

В этой атмосфере Босх и Дали убедительнее Репина, Бодлер читается так же легко, как Михалков... Мировосприятие, порожаемое желтой тюрьмой, обрекает на модернизм.

Я все это рассказал, чтобы объяснить в какой творческой атмосфере (это может разумеется и в кавычках, и без кавычек) проходили мои занятия перевертнями...

Занятия перевертнями помогли мне сохранить мышление. Мне этого было достаточно, и я, честно, не придавал особого значения оценкам друзей, которым посылал свои опусы, даже оценкам А. Якобсона, признанного крупного литературоведа, считавшего перевертню поэтическим жанром, вполне равноправным с другими...

За пять лет я написал много вещей, разных по содержанию и по объему. Самой большой была поэма «Тать» из 220 строк, которую я дорабатывал и после выхода на свободу, и теперь в ней больше шестисот строк-перевертней...

Я и не помышлял публиковать свои вещи, считая, что претензии на читательское внимание после той великой спасительной службы, которую сослужили для меня мои упражнения в тюрьме, были бы нечестными...

Но вот прочтя кое-что из соцреалистов: поэмы о БАМе, о КАМАЗе и т.п., – я неуверенно подумал, что поделки иных обывательских кумиров, утративших последние притязания на эстетическое лицо, едва ли имеют большее право на внимание читателя, чем голо-эстетские упражнения, даже если им далеко до эстетического Олимпа.

Появившийся совсем недавно новый апостол воинствующего соцреализма, профессор Степан Карпиленко¹, с ходу заткнувший за пояс Козьму Пруткову, нанес последний удар, разбивший чашу моей неуверенности. Я понял, что надо торопиться, т.к. после распространения стихов Степана Трофимовича мои перевертню уже не примет всерьез никто из обмороченной читательской массы. Поэтому я его боюсь даже цитировать, бросая тем самым вызов заинтригованному читателю этих строк, но одно слово этого уже легендарного поэта, трибуна, мыслителя я все же процитирую, чтобы объяснить заглавие своей книжицы.

Среди ряда неологизмов у проф. Карпиленко есть слово эпись – производное от эпос и опись. К тому времени я уже избрал слово эпус – от эпос и опус. Увы, сейчас это доказывать трудно, и я рассчитываю на доверие читателей. Но что несомненно, и за что я благодарен профессору – это за толчок к дальнейшей разработке моего неологизма. Видя, что появился конкурент, я немедленно предпринял попытку сделать свой эпус лучше, чем эпись (т.к. признал их равноценными). Тут-то и появился не совершенно точный, но отвечающий основным палиндромическим правилам перевертень-неологизм:

Суперэпус

Едва ли неистовый профессор-поэт решится теперь претендовать на первенство и первородство!

Пользуюсь случаем серьезно предупредить Евтушенко, что если он легко переживет появление этой книжечки перевертней, то предстоящее издание эписей и сонетов-лекций С. Карпиленко перечеркнет 28-летний труд одного из пока еще ведущих соцреалистов, и пусть БАМский угодник не надеется, что Трофимыч со гласится разделить с ним на Парнасе музово ложе (не путать с «мужево ложе»). Иными словами, два плодovitых поэтических зверя не уживутся в соцреалистической берлоге...»

И еще несколько выдержек из «Суперэпуса».

Умыло Колыму
алым. Омыла
Воркуту кровь.

---

¹ Стихи Степана Карпиленко и предисловие В. Гершуни были опубликованы в разделе «Форточка» одного из номеров журнала «Поиски». Но фамилия автора стихов была заменена на Степаненко. См. стр. 19 настоящего издания.

На дали ладан течет
и елей;
миру курим
мы дым
фимиама и миф
миров творим!

Мадам!
Угодила ли догу?
Роди мопса с помидор!

Я нем – меня
Лишил
Амур ума,
а муза – разума!
Да рад
я и музе безумия!

Кошка – как шок.
Кот – как ток
около. Молоко
лакал. Плакал.
А то как умолял и вилял – о мука кота!

ФРАГМЕНТ ИЗ ПОЭМЫ «ТАТЬ»

Веру доищи, одурев,
и мало – колоколами,
и рано в звонари...
Ала в хуле делу хвала!
А народу хула в хвалу. Худо-рана
течет –
вымокал у ката кулак, омыв
дел след.
Народ чохом охоч до ран,
он сир присно,
и крут, как турки,
и круче чурки,
и серее ереси.
Неодолим он, но мило доен,
нечесан, а сечен,
надзору роздан,
надолго оглодан,
натупо опутан,
утоп в поту
и ох... под оплеухой!

Суперэпус*

(Предисловие к книге палиндромов¹)

Едва научившись читать, мы уже начинаем замечать слова, которые читаются одинаково слева направо и в обратную сторону: *еще, поп, Анна, потоп, Алла, казак, наган, летел, учу, еле-еле, лакал, тащат, алела, воров, лишил, мытым. и другие*. Слова живут не только в именительном и единственном, а в разных падежах, числах, склонениях, спряжениях, давая нам богатый выбор. Есть и такие аббревиатуры: *РСФСР, СС*. Могут встретиться пары слов: *дом мод, город дорог, лог гол, колет телок, норов ворон, Кирилл лирик, ты сыт, на барабан, в резерв, и рефери, я слился*.

Заметив, что в последних пяти парах симметрия нарушена (как и в слове Лукулл), мы догадываемся, что не обязательно каждое слово в таких сочетаниях должно работать только на себя, замкнуто, но возможны комбинации, группы слов, дающие целые фразы-перевертни: *Барон; но раб; Искать такси; Лапоть топал; Дорога за город; Несун гнусен* (С.В.Волкова). *Тело колет; Хил он, но лих; Молим о миллом* (В.Хлебников). *Нет стен; Тени нет*.

Последние две фразы — это уже маленький текст, наподобие двестишья:

Нет стен —
Тени нет.

или:

Нет стен
и нету тени.

Копаясь в копилке слов и комбинируя их, мы можем такие фразы совершенствовать, а тексты расширять. Обратим внимание на слова, которые при чтении наоборот превращаются в другие слова. Таких тоже немало: *кот, полк, Рим, оселок, огород, сон, шорох, топал, ром, лавр, гам, сор, тираду, тесен, надзор, удач*.

Попадают и слова весьма привычные — *романтик, переплет, сенсация*, — которые, если прочитать их назад, дают готовую фразу: *Кит на море — романтик; Тел переплет; Сенсация — поп яйца снес*; (В.Хлебников)

В хлебниковской фразе в центр ее вставлено слово-перевертень, которое могло быть заметно и другим: *дед, казак, Тит, кок*. Но Хлебников выбрал самый удачный вариант, и фраза стала буквально фольклорной. Кстати, фольклорным считают известный перевертень, знакомый нам с детства из сказки А.Толстого о Буратино: *а роза упала на лапу Азора*. Но это бледно в сравнении с приведенным хлебниковским или с державинским: *Я иду с мечем судия*. Из действительно народного фольклора — устного — мне запомнилась фраза: *кабан упал и лапу на бок*. В ней безударные А и О уравниваются по признаку звучания, хоть при написании фразы и нарушают симметрию. При сочинительстве перевертней это допускается при условии, чтобы не злоупотреблять этими послаблениями. Допускается также уравнение в правах букв Е и Э, И и Й, И и Ы, Е и реже — А и Я, О и Ё, У и Ю, Ш и Щ, а также сдвоенных букв с одинарными и, кроме того, допускается игнорирование мягкого и твердого знаков. Все это дает простор для составления разнообразных и больших текстов, несколько похожих на стихи.

Перевертни — древний вид словесного искусства, практиковался он у многих народов, от Греции до Китая. Но его трудоемкость, значительные затраты времени, неизбежные в этой работе, сделали этот жанр уникальным во всех языках. На рус-

---

¹ Палиндром (греч. бегущий назад) — перевертень.

ском языке это искусство также разрабатывалось издавна, известны перевертны киевских поэтов XVII века, но первым создал большую вещь — около 350 строк — Велимир Хлебников, написавший в этом жанре поэму «Разин» (1920).

В середине 60-х годов перевертнями увлекся Н.И.Ладыгин, поэт и художник, житель Тамбова. Работая в этом жанре, он создал ряд законченных вещей («Иван Грозный» — около ста строк, «протопоп Аввакум» — 70 строк, «Ева» — 70 строк и много меньших по объему произведений) — их высоко ценил оригинальнейший поэт и знаток оригинальных поэтических жанров Николай Глазков. Публиковали отзывы о перевертнях Ладыгин В. Солоухин, А.Мажиров и другие известные поэты. Некоторые из перевертней Ладыгина публиковались в Дне поэзии (1983) спустя восемь лет после его смерти и в журнале Волга — два года назад.

Вот начало поэмы «Иван Грозный»:

Ум, роняя норму,
Лих и хил.
Навис Иван,
А был гневен, глыба.
Мутило. Болит ум,
А нем. Зияла, жаля, измена...

С.Бирюков пишет в предисловии к подборке ладыгинских перевертней в Волге, что этот жанр в значительной степени лишает стих описательности и выводит его к неожиданным обобщениям... Это наименее заштампованная форма. Если Ладыгин как автор тяготел к лирическому или юмористическому рассказыванию в рамках формальной логики, то сам палиндром обращал время вспять вместе со строкой, и таким образом возникал новый смысл... Поэт быстро уловил это и наряду с сатирико-юмористическими темами стал разрабатывать и другие. Далее критик, цитируя первые строки «Ивана Грозного», замечает: «Можно сказать об этом и как-то иначе, но впечатление неизбежно будет потеряно. Палиндромичность в еще большей степени, чем рифма, придает высказыванию объективность. Хотя это, как и в обычных стихах, происходит не всегда, а только в тех случаях, когда творческий заряд автора совпадает с объективной реальностью, воплощенной или угадываемой.»

К этому хотелось бы добавить, что сочинитель перевертней не столько ведет за собой слово, сколько сам идет за ним, как за сказочным клубком. Зацепившись за какое-либо слово, автор и за минуту не предвидит, каким оно рассыплется спектром — здесь играет некая радуга-калейдоскоп, где то и дело перемешиваются все цвета, меняется рисунок или узор фраз.

Словопроходцы*

Поистине это был Калита народной словесности и живой русской речи, собиратель несметных сокровищ народной мудрости, фантазии и юмора. В своих оригинальных сказках Даля обильно использовал накопленный им фольклорный материал.

Так, в одной лишь сказке «Сила Калиныч, душа горемычная» мы насчитываем на двадцати страницах около ста разнообразно вкрапленных в текст пословиц, загадок и пр.

Первая книга Даля «Русские сказки казака Луганского» (1832 г.) имела редкий успех, вызвала восторженные отзывы Пушкина, Гоголя, Белинского и негодование III отделения (царской охранки) — тираж «Сказок» был изъят, автор провел день под арестом. Жандармы всегда были не в ладу с юмором и с народным словом, которое не жаловало ни охранителей, ни ими охраняемых. Цензура преследовала Даля не раз. Подвергались запрету его повести, рассказы, а собранные им и изданные А.Афанасьевым Народные русские легенды (появившиеся и за рубежом) вы-

звали гнев и духовных и светских охранителей. И на вашу спесь пословица есть — уж это они понимали!

Как велико значение науки о языке, так велика необходимость, чтобы ученый-языковед был и художником слова, и народоведом — не просто этнографом, но знатоком народной жизни в самой глубинной ее сути, в предельной ее полноте. Среди русских языковедов, наделенных этими свойствами, ведущее место в прошлом веке занимал Владимир Даль. Его словарь — явление единственное и необъяснимое. И раньше такая же или схожая идея возникала у словесников, и подобные попытки предпринимались, но необходимость собрать воедино всю языковую рать по-настоящему властной и неотвратимой оказалась в ту весеннюю, расцветную пору русской словесности, когда творили Пушкин и Гоголь, создавая наш литературный язык.

Толковый словарь — не только энциклопедия народного языка нескольких столетий. В нем мы найдем множество сведений о науках, ремеслах и промыслах, разнообразную и обильную информацию хозяйственного, промышленно-технического, медицинского, военного, философского, естественнонаучного, исторического, этнографического, религиозно-мифологического характера.

В этих пословицах — и мудрость, и очарование поэзии. Самые взыскательные ценители изящной словесности найдут в собрании Даля множество великолепных образцов поэтической формы, разнообразные примеры стихийного словесного мастерства, относящиеся к эстетическим вершинам фольклора:

Как хлеб на стол, так и стол престол,
как хлеба ни куска, так и стол доска.
Табак да баня, кабак да баба, одна забава.
Кому чин, кому блин, а кому и клин.
На кукиш не купишь, а и купишь не облупишь.
Вилять не велят.
Виляй вилял, да на вилы попал.
Доселе Макар гряды копал,
а ныне Макар в воеводы попал.
Удача — кляча, скачи да кричи.
Есть не сыщем, так посвищем.
Сало было, стало мыло.

Такой щедрый юмор, такая богатая и свободная звукопись, ее совершенная непринужденность, ненаигранность в нашем столетии была под силу лишь В.Хлебникову, который был и новатором и во многом продолжателем традиций фольклора и поисков Даля. И Далю — писателю, языковеду и фольклористу обязаны, пожалуй, все значительные писатели последних полутора веков — вспомним приведенные выше слова Гоголя.

Словязь

Эти полурассказы-полураешники целиком смонтированы из пословиц, поговорок, прибауток, присловий, чистоговорок, речений, загадок из кладовой Владимира Даля, которую великий словопроходец наполнял более полувека. Тут ни единого слова не добавлено «для связки» — ни от автора-монтажника, ни из других собраний пословиц и поговорок. Отдав три четверти жизни собиранию и исследованию фольклора и слов живой русской речи, составлению «Толкового словаря» и сборника «Пословицы русского на рода», Даль оставил века самые выверенные тексты, представленные часто в нескольких вариантах, и дополнять или перемешивать их с другими, не далевскими, было бы нестоящим делом.

Сказ и раешник – два исходные жанра для этих опытов, на званных «словязью», – самые близкие к стихии народного мыслетворчества, фантазии, лирики и юмора, которая веками отработывала разнообразные малые фольклорные формы – пословицы, присказки, потешки и пр. Кстати, именно Даль явился основоположником сказа как литературного жанра в чистом его виде. «Русские сказки Казака Луганского» появились почти в одно время с гоголевскими «Вечерами на хуторе...», которые не были сказами в полном смысле.

Специалисты, возможно, определяют основное жанровое качество этих опытов и место их рядом с раешником и сказом – разумеется, если обратят на них внимание, на что я лишь надеюсь, ибо чувствую, что мои двухлетние усилия не дали того, чего я от них ожидал, и несу читателю свои монтажи без излишней уверенности. Но какой бы ни представлялась их жанровая принадлежность, и независимо от признания этой формы полужанром ли, поджанром, около-жанром – название я решил ей дать.

Словязь – хлебниковское слово, хотя у Велимира я его не встретил, а произвел от его слова «славязь» (славянство).

Если не удалось мне вязание, то пусть это будет вязка в простейшем значении – связывание. Во всех пословицах, прибаутках и пр. я не изменил и не переставил ни единой буквы, связывал же их с помощью пунктуации, при этом иногда соединял их в большие предложения, но ни одной не дробил.

О чувстве меры в любой работе и в любом творчестве излишне повторяться. Без него немислимы и вязание, плетение, вязка. «Без меры и лаптя не сплетьешь». Чтобы понять, насколько это чувство споспешествовало моей рискованной работе или насколько оно мне изменяло, я решился на встречу с читателями.

У ЗАВТРА НЕТ КОНЦА

На то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрет, когда на море камень всплывет, да камень травой прорастет, а на траве цветы расцветут; когда солнышко взойдет от заката, когда на сосне груши будут, когда волк будет овцой, медведь стадоводником, свинья огородником; когда песок по камню взойдет, когда черт помрет – а он еще и не хворал; когда восток с западом сойдется – после дождика, в четверг – что-нибудь, да будет!

ГОЛОВА ВСЕМУ НАЧАЛО

1. НАШЕГО БОГА ДУРЕНЬ

Нашему болвану ни в чем нет талану – под носом взошло, а в голове и не посеяно, с осину вырос, а ума не вынес. Ума – два гумна, да баня без верху: на руке пальцев не сочтет, на трех свиней корму не разделит. Разошелся ум по закоулкам, а в середке ничего не осталось.

Глупее надолбы приворотной. На дороге стоит, а дороги спрашивает. Стоит у воды, а пить просит: «Эй, человек, сведи меня на водопой!» Просится на берег, а лезет в воду, решетом в воде звезд ловит.

Детина добр, купил бы ему гроб! Ни богу свеча, ни черту кочерга. Ни в рай, ни в муку, ни на среднюю руку. За него грош дать – недодать, а два дать – передать.

Глуп но самый пуп, а что выше, то пуще – ни глаз под бровями, ни ушей за висками, ни языка за щеками. Ни ухом, ни рылом, ни очами, ни речами. В избе ходит, а дверей не найдет, вертится, как на шиле, как сорока на Колу; мечется, как вор на ярмарке. Суетлив больно – обувшись парится: одна нога в лапте, другая в сапоге (комар парню ногу от давил). Много поту, да мало проку. Из бани идет – чешется, а из кабака – не шатается: дурацкую голову и хмель не берет. Топор обувает, топорищем подпоясывается; все кузни исходил, а некован воротился. По-

шел завтра, пришел вчера – что ни путь, то крюк, что ни шаг, то и спотычка: увидел, что на утках озеро плавает, на море овин горит, по небу мед ведь летит, на дубу свинья гнездо свила, а овца пришла – яйцо снесла.

Целых два чина – дурак да дурачина. Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса. Он из таких, что по тринадцать на дюжи ну кладут, да и то не берут – всех в один кулак сожми, так только то и выжмешь, что съедено. С него, что с козла – ни шерсти, ни молока. Ни в пир, ни в мир, ни в люди. Ни в хомут, ни на козлы. С ним водиться, что в крапиву садиться. Что он дурак, так это и мать его родная скажет: «Не дурак, а родом так. Детки – радость, детки ж и горе – он в щенках заморен. Он прибит на цвету – личико беленько, да ума маленько. Холостой, что бешеный: одному спать – и одеяльце не тепло. Невеста без места, жених без ума – без жены, как без шапки. Свинья ваша пестрая – сыну моему мать крестная; сын мой женится, так отпустите ее в свахи!»

Сосватавшись, да – хороша ль невеста? Такая красава, что в окно глянет – конь прянет, на двор выйдет – три дня собаки лают. На харе хоть топоры точи. Курица ряба, да перешиб лена нога. Страшно видится, стерпится – слюбится; что пестро, то дураку и красно. Не птицу сватать, а девицу – красота при глядится, а щи не прихлебаются. Для шей люди женятся, для мяса замуж идут. Чего там калякать? Давай свадьбу стряпать!

По рукам, да и в баню. Худой поп свенчает – и хорошему не развенчать! Спесивый не взглянет, слепой не разглядит, а умный не осудит.

Такой дурак, что только уши пришить: забыл, что женился, да и пошел спать на сенник.

Пьян проспится, а дурак никогда. Ходит, как пальцы растерявши – вчерашнего дня ищет, а он ушел. Щупает петуха – не будет ли яйца. Гоняется за мухой с обухом, перегоняет с места на место, как леший зверя. На одном дню семь пятниц, хлопот полон рот, как слепень снует, с сука на сук, а все недосуг. Бился, колотился, мясоед прошел, а все не женился – идет мимо кровати спать на полати.

Стыдливому удачи не видать. День мечется, другой бесится, третий на карачках лазит – им хоть полы мой да пороги подтирай... Отбилась от рук жена, так, что твой сатана. Меж бабьим «да» и «нет» не проденешь иголки – железо уваришь, а злой жены не уговоришь: кого боюсь, поскорее ложусь, кого не боюсь – поворачиваюсь. Бабе хоть кол на голове теши, баба – что жаба. Бабе спустишь – сам баба будешь.

– Улита, знать ты не бита? Тут нечего вертеться – либо этак, либо так. Знай приголубливай да поддакивай.

– Вот тебе помой – умойся, вот тебе онучи – утрися, вот тебе лопата – помолися, вот тебе кирпич – подавился!

Баба – что глиняный горшок: вынь из печи, он пуше шипит. Еще тот не родился, кто бы бабий норев узнал. Нашел дурень своего поля ягодку. Черт на дьяволе женился – помутилась вода с песком!

Так женился, что и сам себе подивился: «Кумишься, свата ешься, а проспишься – спохватишься. Живешь – не с кем покалякать, помрешь – некому поплакать».

Женился, как на льду обломился.

Беда на беду наскочила: дожили до мату – ни хлеба про голод, ни дров про хату. Сиди на печи да гложи кирпичи – дожили, что ножки съежили!

– Не отрубить дубка, не надсадя пупка. Покров, натопи нашу хату без дров!

– А где тот хлеб, что вчера съели?

– Вспоминала баба свой девишник!

– Еще и место не простыло.

– Только след простыл!

Коротеньки ножки у хлеба, а как уйдет – не догонишь. Ни

печеного, ни сеченого, ни вареного, ни толченого – свищи в ку лак! Чего ни хватись, за всем в мир волокись – голод и волка из лесу гонит.

Нужда хитрее мудреца: с бороной по воду поехал, а цепом рыбу удить. Запряг прямо, да поехал криво, пригнала нужда к поганой луже. Прорубь высокая, так коням ноги подрубил. Хотел ехать дале, да кони стали – «тпру» не едет, «ну» не везет. Умел ошибиться, умей и поправиться: не торопись ехать, торопись кормить – не лошадь, а корм везет. «Сена нет, так и солома съедома». Пошел по солому, принес мякины. «Ну! Ну!» – а погонять нечего. Поехал на своих вороных – две ляжки в пристяжке, а сам в корню. Хоть криво впряг, да поехал так.

«Есть на чем ехать, да нечего есть». Сам едет, сам и погоняет: – Чок, чок, повсвистывай в кулачок! Не сам еду, нужда едет! Есть не сыщем, так посящем!

Ехал летником, а своротил на зимник, в лесу дров не нашел. Мерзлой роже да метель в глаза.

«Худо лето, когда сена нету». Снял голову с плеч да поло жил за пазуху – так и цела будет.

Пошел на собаке сено косить.

Помяни, Господи, царя Соломона и вею мудрость его!

2. УМ ХОРОШО, А ДВА ЛУЧШЕ ТОГО.

Два дурака сошлись в одни ворота – брат брату сосед.

Дурак на дурака нашел и вышло два.

Дурак с дураком сходились, друг на друга дивились – два дурака, да у каждого по два кулака. Брат на брата – пуще супостата.

Отец сына умнее – радость, а брат брата – зависть. Поглядел дурак на дурака, да и плюнул: эка-де невидаль – и так дурак, и сяк дурак, и этак не так, и всячески дурак! Гусиный разум да свиное хрюкальце. По образу – как я, а по уму свинья! Русский человек без родни не живет – на его бабушке сарафан горел, а мой де душка пришел да руки погрел. Сидор Карпу родной терех – на одной онучке сушены... Брат он мой, а ум у него не свой – спереди дурак, да и сзади так. Умом больно обносился, не заплатана башка. Глаза, что площадки, а не видят ни крошки – два фонаря на пустой каланче. Ртом глядит, а ничего не слышит – рот до ушей, хоть лягушку пришей. Чужой рот – не огород, не притворишь... Разговорчив, как устрица, беседлив, как тюлень.

– Не разевай рта: ворона влетит и карета четверней въедет.

Прожуй слово да и молви!

Доброе молчание чем не ответ! У него рожа по шестую пуговицу вытянулась – не доищется слова.

– Да выплюнь не жевамши! Будь хоть дураком, да болтай языком!

Ухмыляется, что кобыла на овес глядя:

– Что выплунешь, того не схватишь.

Говорит, что родит. Слово вымолвит, ровно жвачку пережует:

– Молчок – сто рублей.

Не стыдно молчать, коли нечего сказать – молчанкой никого не обидишь.

– Молчок – золотое словечко.

Слово по слову, что на лопате подает.

– Не стать говорить, так и Бог не услышит. Дитя не заплачет – мать не знает.

Говорит, как клешнями на лошадь хомут тащит, слово за слово цепляется:

– И глух, и нем – греха не вем. За молчание гостинцы дают.

– Молчан-собака не слуга во дворе. Води ушами, ворочай глазами, верти языком, что корова хвостом!

– Языком и лаптя не сплетешь.

Складно бает, да дела не знает.

– Красно поле пшеном, а беседа умом. Короткие речи и слушать неча. Сядем рядком да перетолкуем ладком, в чужой беседе всяк ума купит.

Он на вей-ветер слова не молвит – говорит, что клеит:

- Наш Фома не купит ума, своего продаст.
- Сказывай тому, кто не знает Фому, а я родной брат ему!
- Родной, да матери не одной!
- В глупом сыне и отец не волен. Отчего ты так глуп?
- У нас вода такая.
- Толки воду, чтоб пыль шла!
- Воду варить – вода и будет, воду толочь – вода и будет.

Замолчал, будто кислым залило. О дураком ни поплакать, ни посмеяться. Топчется на одном месте, как тетерев на току... У худой головы не благо и ногам. Каких дураков нет: и после бани чешутся!

- Не поминай бани – есть веники и про тебя!
- Умный поп тебя крестил, да напрасно не утопил! Пора бы за ум хватиться.
- Попа да дурака в передний угол сажают. Много ума – много греха, а на дурне не взыщут.

И глупый ино молвит слово в лад. Малому да глупому все с рук сходит – с умом в ответе, а на дураке нечего взять.

- Без ума житье – рай: сиди высоко да плюй далеко!
- Не долго думал, да ладно молвил – спроста, что с большого ума!

(Дурак дурака и хвалит, дурак дураком и тешится) .

- Что больше думать, то хуже.
- Долго думать – тому же быть. Думает плотник с топором да писака с пером.
- Раздумье на грех наводит.
- От думы голова трещит.
- Думает индейский петух. Думал много, да вошь и поймал.

(Дурак дураку и потакает. Рад дурак своей масти) .

– Хорошую речь хорошо и слушать. Отойдем да поглядим, хорошо ли мы сидим? Умный бы ты был человек, кабы не дурак

– Мужик простой, как кисель густой.

– И то зубы, что кисель едят! Ежеден не будешь умен – ден-то много, а ум-то один. С умом жить – мучиться, а без ума жить – тешиться. Где умному горе, там глупому веселье.

– Дураку что глупо, то и любо. Дураку и Бог простит. (Рад дурак, что нашел глупей себя) .

– Про всяк чае ума не напасешься.

– На час ума не станет, дак и навек в дураках. Голова – всему начало.

– Не всяк умен, кто с головой. И глупый умного одурочит – на всякого мудреца довольно простоты. Всяк Аксен про себя умен! Дурь на дурь не приходится. Держи на уме, коли есть на чем!

Дураку только волю дай – скажется. Попусти поводья – он и удила закусил.

– Я тебе улью щей на ложку! За глупость Бог простит, а за дурость бьют.

– Не вольна в дураке и дубинка. Мне все трын-трава, все щавель-дудки!

– Дурь-то из тебя повыколотят! Дурака и в алтаре бьют – пометь на ногте!

– Дурак не глядит и на кулак. Живи всяк своим умом, у каждого свой царь в голове! Заруби деревом на железе!

(Дурак дурака учит, а оба глаза пучат) .

– Лучше не бай, глазами мигай, будто смыслишь. Аль глаза отсидел?

– Указчику – чирей за щеку!

Дай волю, а он две возьмет. Пустил козла в огород.

– У дурака дурацкая и речь. Молчи, коли Бог убил! Когда дурак умен бывает?

Когда молчит.

– Не учи безногого хромать! Чужой роток – не свой хлевок, не затворишь.

– С дураком говорить, что в стену горох лепить. Я тебе дам ума!

Жаль кулака, а ударить дурака.

– На всех дураков не напасешься кулаков!

(Связался дурак с дураком – не разрубишь их и топором).

– Дурака учить, что на воде писать.

– Поучи шуку плавать! Слепой зрячего не водит! Знай свою руку! Что бельма устави́л? Глядит, будто глотком подавился! Али ты слова не доищешься? Смотрит, как баран в гумно! Удалой долго не думает, у меня рука легка – была бы шея крепка! Вот тебе раз! .. Другой бабушка дает... А вот дурню на орехи! .. – Не бей по роже – себе дороже! Не хватай за бороду, со рвешься – убьешься! .. Языком и щелкай, и шипи, а руку за пазухой держи... – Я тебя заставлю рылом хрен копать! – Когда Бог ума не дал, так руками нечего рассуждать...

От дурака хоть полу отрежь, да уйди. Ни мертвеца рассмешить, ни дурака научить. Много на свете дураков – всех не перечтешь, не токма что не переучишь. Море песком не засыплешь.

Матушка-рожь, за что кормишь дураков!

Сверлибр

Из-за разных житейских обстоятельств, которые наскоро не объяснишь, детство мое затянулось, уйдя на многие годы за оптимальные психологические рубежи, но не изникло ни под давлением невзгод военного и послевоенного времени, ни в сталинских спецлагерях. Эти особенности психики упряма, не желающего считаться с собственной зрелостью, послужили аргументами для офицеров спецпсихиатрии (Лунц и пр.) в 1970 году, когда они вынесли мне пошлый медицинский приговор. Его отменил Гарри Лоубер в нынешнем, 1978 году. (Кстати, в 1550 году в том же институте им. Сербского меня признали здоровым — Лунц был еще ежиком. С мягкими еще иголочками. И еще больше съезживался рядом с таким психархом, как профессор Введенский мой тогдашний эксперт.

Детская склонность придумывать, переделывать, комбинировать и пародировать слова не иссякала особенно долго. Что мне запомнилось из выдумок разных лет? Прежде всего, конечно, то, что однажды понравилось многим или даже немногим. Летом 1950 года в старинной омской тюрьме в подвальной камере, во время одного из вечеров чтения и импровизации, о которых рассказано в «Архипелаге Гулаг» и в «Записках Сологодина», я спародировал официальное *хамжеское* наименование наших концлагерей, заменив в нем три буквы, и подлинное определение этого классического творения марксистко-ленинской мысли, *полученное* взамен фари́сейского, Исаич принял через много лет как заглавие третьей части Архипелага. В лагере я придумал для гениального вождя титул *каннибалиссимуса* (в книге Анатолия Якобсона «Конец трагедии»).

Богатая этимология, тонкая, многообразная и многооттеночная семантика русского слова и его гибкая морфология делают доступным для виртуознейших словотворческих экспериментов, особенно успешных в стихии фольклора, включая народную этимологию. У Даля встречается слово *ляхолетье*, оставшееся от панщины или от Смутного времени. Из примечания Даля к пословице «Вражье-то лепко, а божье-то крепко явствует, что лепко» (о силе соблазна: вражье — бесовское) образовано слиянием лепо и липко. В результате сознательного или бессознательного пародирования слов в народной речи в разное время появились такие, например, блестящие пародизмы, как *ветропрах*, *воспиталь*, *гульвар*, *мараль*, *прижим (режим)*, *вьюноша*. К ним близки Лесковские *мелкоскоп*, *водоглаз*, *нимфозория*, *симфон* и др., многие хлебниковские шедевры, бесчисленные детские выдумки: *теплометр*, *больмашина*, *мазелин*, *улицционер*, *кустыня*, *вертилятор*, *отмухиваться*... Листая знаменитую книгу Корнея Чуковского, мы убеждаемся, что находки словосочинителей в возрасте от двух до пяти стоят наравне с изобретениями народных словоделов. Сами не ведая что творят, дети воскрешают архаизмы (*льзя*,

лепо, вежа, чайнно), воссоздают диалектизмы (*людь, обутки, одетки*). Некоторые выдумки малышей вошли в широкое употребление на юмористических правах — *сердитки, стрекозел*, — а то и на полном *серьезе: распакетить*. Иные слова оказываются настолько природны языку, что входят в него, не привлекая внимания, как бы без стука, не замеченные даже их творцами! Так появилось слово *гладкопись* — в книге Л.К.Чуковской в лаборатории редактора. Писательница не заметила у себя нового слова. Потом ее известили, что слово *гладкопись* взято на учет как неологизм. После Карамзина даже искуснейшие словоизобретатели весьма редко создавали неологизмы, окказионализмы и иные новообразования, способные вжиться в литературу или разговорный язык. Но их словоизобретения сверкают в ткани произведений, как самоцветы в шитье, и обогащают язык, не принявший их в свободное обращение. Да многие из них потускнели бы, извлеченные из контекста — как вынутые инкрустации. Примеры бесчисленны, но хочется особо упомянуть о словотворческой щедрости Андрея Белого в цикле романов о Москве.

В предлагаемых опытах — попытка конструирования текстов из различных новообразований (для некоторых я решаюсь предложить термины: *эстетизмы* и *пародизмы* — есть же, например, *экзотизмы, вульгаризмы*). Опыт показывает, что лучше всего такие тексты укладываются в сверлиброподобные конструкции. Я использовал, кроме собственных, чужие выдумки, в первую очередь те, что дарили мне друзья, и многое из современного фольклора, т.е. слова, авторство которых не открыто широкой публике (здесь тех и других всего семь на 120 собственных). Я назвал эту форму *сверлибром*. Это имя — пародизм, но оно не означает, что пародийные или комические элементы должны преобладать над всеми другими.

СЧАСТЛИВОЕ ДИССИДЕТСТВО

(милодекламация)

Досиденты репетируют арестанцы.

Диссидеточки играют в тюремек.

Миниатюрьмы одеты в грешетки.

— Бродители, снимите с них намордники
и пойте нам сюрренады!

— Ах затейники-застенники,

тербята-зубяки, резвята, демчурки!

Ну какие же из вас арестократы?

И что это за мрачная хромантика?

Прекратите эти эпигонки!

Не балуйтесь вы столь компрометчиво,
исполняя свои увертюрьмы:

за рискованной этой скокофонией

будет долгая скукофония

невеселой камерной музыки-

те бессонные бесонаты

прокурортов и зонаториев.

Не спешите с барачными узами

и не стройте из себя компрометеев!

Эх играли бы лучше в резволюцию,

да учили бы конспиранто...

— Ах, бродители-теребители, зудянки, хворонье!

Прекратите это кровокарканье!

Мы просили спеть нам сюрренады,

а вы заливае­те хро­ман­сы,
помпу­ляр­ные, точ­но ложун­ги
ди­дак­ти­че­ской бор­мо­тур­гии
чер­но­бра­во­го дох­лад­чи­ка.
Луч­ше ка­мер­ная ску­ко­фония,
чем спаси­тель­ная хи­ло­со­фия,
хам­же­ская, как хвост­ли­вая
ли­ко­валь­ня кон­сти­ту­ци­ков,
их хвас­торг и фла­го­ле­пие
и бровур­ные ура­то­рии -
кри­ка­ту­ры на со­трут­ни­че­ство
ге­ге­мон­ст­ров и клоа­ке­ров
три­бун­но­го порт­вейн­ге­но­се,
ви­трин­но­го Бо­на­пар­да
в его жи­вом цир­ко­фа­ге.

ГРЕЗИДЕНТЫ

*Он хо­чет жить це­но­ю му­ки,
Це­но­ю томитель­ных за­бот.
Он по­ку­пает с не­ба зву­ки...*

М.Ю.Лермонтов

Ла­до­не­га в лес­ной Ак­варелии,
в Бе­ло­ма­ре­ве Со­лов­ки­жи...

Глу­бой­кал... Ай­ва­зов­ское мо­ре...
Вдох­но­веч­ная даль вол­но­лу­ния —
узор­ная, озер­ная, оза­рен­ная
мол­не­гла­зы­ми фе­е­ро­гли­фа­ми
стру­но­пи­си ко­стро­наф­тов —
бес­при­зор­ных, бес­при­зер­ных,
бес­по­зер­ных ду­мо­кра­тов
сия­тель­но­го со­сла­вия
бездом­ных ду­мо­чад­цев,
бездам­ных ды­мо­се­дов.

Не­при­т­вор­ные не­при­двор­ные
серд­цо­ги и те­не­ра­лы
не обез­до­лены — не обез­да­лены!
Не обез­кров­ле­ны, не обез­кры­ле­ны!
В их сон звез­до­крон­ная кров­ля уронит
зву­ков па­дучую гроздь,
и стран­ны­ми стру­на­ми стронет
с тро­на вла­ды­чи­цу грез.
Рас­вет­ный бред­се­да­тель
под­ни­мет ды­мо­вла­де­ль­цев,
объя­вит про ди­но­зав­трак,
а ша­тро­вый де­не­ра­ли­с­симу­с —
фляг­ман и грам­ма­тург —
рас­каплет за­бы­тый остаток

прозрачного граммофона,
и добродяги затянут
молниями и гремнями
джинсы и брюкзакки,
покинут сереющих грезд морезонт —
грезиденцию кавалербардов,
вернутся в безвинные, безванные, бездушные плачуги
с холодными бродиаторами и забитыми дымоходами,
оставленные проститутэтками, забывшими свой филантреп,
и вредиторы-грошмейстеры
заведут свою пустораль,
двинут свои эйфоризмы, уморальные максиомы,
которые бредиторам напомнят, что они небессердечны и небессердачны,
но бесстажими композерами
блуждая в абракадебрях,
растрчиваясь в химероприятнях,
им лучше, мол, оглянуться
на тех врезидентов и врезвенников,
или люпус-пролетариев,
что загорбатывают или заграбатовывают —
без дамлетизма, без демокротства,
без кусторалей, без композерства,
бес декадетства и диссидетства,
и в общем пора, мол, оставить
бредубежденья и заумь
и братья за ум
(и тупое свое «и т. п.»).
...И снова у думовладельцев
сплошные пойдут беспробудни...

Происки

Предисловие составителя

Позволю себе, как человек лично и достаточно близко знающий Трофима Карповича, выразить свою радость по поводу того, что его бессмертные стихи, наконец-то, начали входить в литературный обиход.

С Трофимом Карповичем я познакомился в 1961 году, когда он еще не был заведующим кафедрой, а занимал скромную должность рядового доцента, исполняющего обязанности профессора у нас в институте.

Он читал историю КПСС и был тогда ярким поклонником Н.С.Хрущева, как-вым перестал быть примерно с 15 октября 1964 года. В это же время произошло и изменение его собственного служебного положения: когда за потерю бдительности был смещен зав. кафедрой марксизма ленинизма алкоголик Чепуркин, на его место был назначен преданный борец за соцреализм наш дорогой Трофим Карпович Степаненко. Пустили козу в огород...

За дело Трофим Карпович взялся серьезно, принципиально и круто. Исполненный понимания возложенной на него ответственности, видя в молодом поколении преемников и продолжателей Бессмертных идей, отнюдь не склонный к умалению роли идеологического воспитания, он требовал заучивать наизусть целые статьи Ленина и партийные документы. Его экзамены превращались для студентов в предынфарктный стресс, а у некоторых беременных студенток даже бывали выкидыши...

Одна из другой стали выходить в издательстве «Знание» его брошюры, последовательно посвященные работам Ленина «Что делать?», «Детская болезнь левизны» и т.д. Свои брошюры Трофим Карпович тоже заставлял нас сдавать на экзаменах, а на лекциях объяснял, как их следует читать и понимать.

Однако подлинным апофеозом его идеолого-педагогической деятельности явились стихи собственного приготовления: сначала «Лекции-сонеты по истории КПСС и научному коммунизму», потом «Кепка Ленина» и др.

Если мне не изменяет память, первые стихи он читал еще застенчиво, потом пообвык и стал откровенно придавать им большое педагогическое значение. Как ни парадоксально, но по этим стихам материал запоминался много легче, мы с удовольствием заучивали их наизусть и по ним отвечали, успеваемость резко возросла, тем более, что поэт очень любил, когда его стихи читали на экзаменах, раскисал и ставил пятерки.

Я неоднократно предлагал ему опубликовать свои стихи, он отнекивался, но меня в итоге полюбил, и я сделался в некотором смысле поверенным его Музы. Наконец, количество перешло в качество, и летом 1972 года мы послали его стихи в «Правду». Оттуда ответили, что стихи малограмотны. Возмущенный Трофим Карпович составил письмо в редакцию. В нем говорилось, что — «это у меня не малограмотность, это у меня СТИЛЬ. Маяковский писал шершавым языком плаката, а я пишу *ПАРТЯННЫМ* (курсив ред.) языком. У меня единство формы и содержания: партийное содержание одето в строгую военную форму» и др. аргументы. Но стихи все равно печатать не стали. Тогда я предложил ему опубликовать их на Западе или в Самиздате. Он отказался и отобрал у меня все имевшиеся в моих записях тексты.

Но наша дружба не прекратилась. Я принес ему «Архипелаг», он прочел и написал гневную поэму отпора «Материк Большевик» — шедевр своей поэзии. Одновременно в прозе он написал очередной донос на меня. Я совсем забыл сказать, что он вообще серьезно разрабатывает трудный и своеобразный жанр доноса. Правда, пока не в стихах.

Я не литературовед, поэтому, не берусь говорить о стихах Трофима Карповича, но, по-моему, он — великий поэт, ВСАМДЕЛИШНЫЙ Козьма Прутков XX века, не придуманный от праздной скуки какими-то бездельными интеллектуалами, а рожденный из глубины нашей жизни, нашего советского диалекта русского языка, нашей аберрированной мысли, нашей идеологии. Он — явление, поэтому НЕ сотворен, а — ЯВИЛСЯ.

М. Б-м

От автора

Спервоначала ознакомься, читатель, с особенностями жанра лекций-сонетов. Лекции мои, конечно, устные, ну, и все отсюда. Маяковский ведь тоже учил, что стихи слушать надо ухом, а не глазом. Поэтому ты, читатель, вслух мои лекции и читай, — тогда поймешь, что я тебе хотел ими сказать. Только таким макаром поймешь нужного до его конца. Как говорят у нас в народе, имеющий уши да слышит!

Т.К.Степаненко

ЛЕКЦИЯ-СОНЕТ 1.

Первые социал-демократические группы

Образование российской социал-демократической рабочей партии.

В России был марксистский рупор
(Народовольцы – ерунда)
Г.В.Плехановская группа
«Освобождения труда».

Не по велению сивки-бурки,
А настоянием судьбы
Закладывался в Петербурге
Под Ильичем Союз борьбы».

И вопреки жандармов вою,
Соседством духа и ума
Кружки рабочих под Москвою
Организовал Бауман.

И так самое по себе
Сложилось РСДРП.

ЛЕКЦИЯ-СОНЕТ 23.

2-й съезд РСДРП.

Создание большевистской партии.

Ульяновцы вставали рано,
Оппортунистов всех коря,
И подготовили программу,
Из «Искры» пламенем горя.

На съезде был параграф первый
Устава назван с прямотой –
У мартовцев сдавали нервы
От жесткой дисциплины той!

Над меньшевистской шатъей-братъей
Рабочим классом естества
Провозгласили демократъей
Мы диктатуру большинства.

И все пошло с тех пор в натуре,
Как в большевистской диктатуре.

ЛЕКЦИЯ-СОНЕТ 39.

Революция первая русская. 3-й съезд РСДРП/6/.

Две тактики социал-демократии в данной революции.

Меньшевики готовили препоны,
Эс-эры потакали мужику.
И выдвинули так попа Гапона,
Что было буржуазьи на руку.

Враги рабочим подливали страсти,
Поддавши веры в доброго царя,
Да на Дворцовой только вместо «здравствуйте!»
Им поднесли – девято января!

Большевики тут вылезли с подначкой,
На кровопийцев подняли народ
Октябрьскою Всероссийской стачкой
На Пресню в ружья врезал пятый год.

Вот так дошли мы от царю петиций
До красных генеральных репетиций.

(Далее следуют многочисленные сонеты-лекции, освещающие различные эпизоды первой русской революции).

ЛЕКЦИЯ-СОНЕТ 84.

Поражение первой русской революции. Годы реакции.

От «Искры» загорелась вся Расея
Пожаром революции вглубь и вплавь
Зажегся за Кровавым Воскресеньем
Кровавый еще более Декабрь.

И то сказать: ведь мы не лыком шиты –
Две тактики давно известны – и –
Мы пораженьем не были убиты,
Готовые к любой реакции.

Меньшевики из ликвидатор глыби
Не понимали, что на клинья – клин.
Что совершив переворот Столыпий –
Путь большевистской власти станет длин.

Но мы еще сумеем отыгаться
За 10 лет партийных эмиграций.

ЛЕКЦИЯ-СОНЕТ 106.

Борьба с отзовистами и ликвидаторами.

Большевики в Государственной Думе.

Книга В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Ильич к перерожденцам был неистов,
Он Думе словом заменял бойкот,
А ликвидаторов и отзовистов
Заведомо засунул в черный ход.

Когда махисты на марксистов встали,
Ильич марксистов поднял вдургорядь,
И членов хоть у партии не стало,
Но все же бодро шла она вперять.

И оптимизмом снова Ленин пышет,
Борясь на флангах и борясь в центре,
«Эмпириокретин» он книгу пишет
Ударом сокрушительной гидре.

Ильич, борясь с ревизионным злом,
Партийных членов всех связал узлом.

ЛЕКЦИЯ-СОНЕТ 189.

Завершение борьбы с оппортунистами. Пражская конференция.

Что партия наделала успехи,
Так то врагам ее видать в упор,
Но либеральным ренегатством «Вехи»
Мастились по партийный коленкор.

И назревало в партии такое
Другому, что окстись, что спохватись!
Но Ленин вывел мудрую рукою
Всех членов на координат абсцисс.

Отбушевал абсцесс той силы вражской,
И быстро оказались на мели,
Когда на конференции на Пражском
Мы партию по-новой завели.

Оппортунист, не очень-то мастись
На генеральной линии абсцисс...

ЛЕКЦИЯ-СОНЕТ 294.

Партия в годы империалистической войны.

Лозунг на перерастание войны империалистической в войну гражданскую.

Уже народ о партии могучей
Слышал, хотя была она тайна.
Но над Европой разразилась тучей
Буржуями начатая война.

Меньшевики, эсеры, оборонцы,
Предатели рабочего дела
Народ российский завели под донце,
Откуда наша партия взяла.

Его вперед на превращенье бойни
В народную гражданскую войну.
Поскольку и винтовку и обойму
Возможно всесторонне повернуть.

И вот буржуй, не оставаясь цел,
Становится под ленинский прицел.

(Затем идут сонеты 294-а, 294-б и т.д. – до «ч», отражающие историю империалистической войны до февральской революции, а начиная с сонета М - 295 автор дает блистательные зарисовки и глубокие обобщения на материалы истории КПСС периода 1917 – 1921 гг., вплоть до Кроштадтского мятежа. Этому периоду посвящены 423 сонета, часть которых мы надеемся в скором времени опубликовать)

Из Эписи.

*(Эпись – это новый жанр, эпос-опись.
Это поэма отпора на «Ленин в Цюрихе»).*

ЭПИСЬ ВТОРАЯ

Ильич в Россию едет из Швейцарии,
Чтоб намертво сменить оковы царии.
Он рвется, распахнув полы пальтовые,
И с ним большевики на все готовые.
И чтоб готовить будущих раскольников,
С ним следуют Зиновьев и Сокольников,
А он для митинга и для парадика
Везет такого Шпяпникова, Радека.
А чтобы не приняли за мазурика,
Он прикрывается Платтенем из Цюриха.
И обвинений не боясь, в обмане и
Шпионстве, едет он через Германию.
Но чтоб замаять чернения обидные,
Вагоны он обходит, всех пломбируя,
После чего он шествует спокойно и
Гудит в набат строкою колокольною.
И едет, в окна глядя на скотину, и
Везет с собой Надежду Константиновну.
Пока все спят в вагоне и проснутся ли,
А он готовит нашу революцию.
Пока эсеры спорят там и прочее,
Он завоеует эту власть рабочую.
И в стройных планах будущими датами
Большевикам дает права мандатами.
Мандат и в воду, и в огонь визируя,
В Россию мчится он вагонизируя.

От редакции

Вступительные и сопроводительные комментарии к стихам тов. Степаненко и в настоящей и в прежних подборках местами отдают пародией, но это лишь на первый взгляд. По нашим публикациям легко заметить, что Трофим Карпович местами увлекался через меру, его стилизации «партийной» речи иногда явно грешат излишествами, как шолоховские просторечно-идеологические каскады, наводящие на невольное сравнение тов. Степаненко с дедом Шукарем. Но ведь профессор и стремился к такой принципиальной, вызывающей простоте и солидарности и просторечным лозунгомыслием, а это заражает публикаторов желанием стать вровень со степененковским простословием, стилизовать под его стилизации. Неподготовленному читателю это может показаться пародированием, в действительности это, наоборот, – совдохновение и солидарность.

Список литературных трудов Т.К.Степаненко.

1. «Кепка Ленина». Венок сонетов.
2. «Лекции-сонеты по истории КПСС и научному коммунизму».
3. «Во весь голос!» – частушки.
4. «Эпись» (эпос-опись).Отпор на «Ленин в Цюрихе».
5. «Материк Большевик». Поэма отпора на «Архипелаг Гулаг».
6. АМОРальная (любовная) лирика.
7. «Перебылое» (Государственные думы).
8. «Прекрасное мгновенье» (Эпопея в стихах).

Юбилей одного стихотворения

Долгим оказался бы перечень тех творений русской словесности, которые достойны юбилейных чествований, от летописей, «Слова о полку Игореве» и др., с которыми связаны хоть какие-то даты – время написания, время обнаружения, первой записи, пер вой публикации и др. Так, например, трудно установить время появления песни «Вдоль по улице метелица метет», но известен год, когда ее записал Владимир Даль. «Народные русские сказки», изданные А. Афанасьевым, читают уже второе столетие. В этом году исполняется 115 лет со времени выхода последнего из восьми выпусков «Сказок» и 115 лет первого тома Далева словаря – дата не очень-то круглая, но зато она совпадает с выходом того же первого тома, обещанного в нынешнем году. Это уже 8-е издание «Толкового словаря», включая стереотипные. Тираж семи изданий не превысил 200 тысяч – за 115 лет! Таково отечественное радение о книге, ставшей райским пиршеством для всех, говорящих по-русски. Кстати, у словаря Даля, как и у самого составителя, есть своя биография, полная приключений (к разговору о словаре мы вернемся после выхода первого тома), и я бы высказался за то, чтобы отмечались юбилеи первого слова, записанного 17-ти летним Далем в мартовский день 1819 г. у станции Зимогорский Ям. Ведь с этого слова – «*замолаживает*» – начинается и биография Даля – словопроходца, и история его словаря.

Мы надеемся на скорое переиздание сборника Даля «Пословицы русского народа», и надеемся также, что он появится уже без предисловия Шолохова. Между прочим, для будущих юбилеев «Тихого Дона» нам еще предстоит уточнить датировку его первоначального текста, когда он будет восстановлен.

Итак, собрания сокровищ народного словотворчества, народ ной мудрости и фантазии, лирики и юмора объединили творения, рождавшиеся в течение многих веков, и у нас есть повод хотя бы раз в четверть столетия возвращаться к большому и обстоятельному разговору о них, используя традиционные юбилейные сроки – 100 лет, 125, 150, 175 и т. д.

Я не буду говорить о классике. Знающие нашу литературу знают и ее хронологию, поэтому не только, скажем, для каждой главы «Онегина» и для любого стихотворения Пушкина самой их датировкой определены их юбилеи, но даже для многих изречений, острот, крылатых фраз – ведь и они относятся к нашей словесности.

Так в прошлом году я отмечал 150-летие остроты П. А. Вяземского, живущей и сегодня – «*квасной патриотизм*», и 150-летие стихотворения Евдокии Ростопчиной «Послание к страдальцам».

Пусть кому-то покажется все это смешным, но едва ли покажется тем, кто помнит время первых всплесков самиздата¹ или октябрь 1958 г., когда из газетной

---

¹ Я имею ввиду массовый самиздат последних 20-ти лет, включая период, когда он уже работал под этим именем, придуманным, насколько известно, Николаем Глазковым. Вообще же самиздат – бесцензурная нетипографская литература – существует со времени возник-

брани советская публика узнала о существовании романа «Доктор Живаго», за который, как это было представлено нашей прессой, автору присуждена Нобелевская премия, и она лишь накалила интерес к роману, т. к. все знали, что эта премия не дается за одну только тенденциозность и тем более за сенсационность обстановки вокруг имени автора. Когда я впервые получил роман для прочтения, я распаковал его дома с тем же чувством, как в пору голодного детства пришлось однажды открывать коробку с тортом. Хотелось обойти всех голодных приятелей и раздать по кусочку, но дело происходило дома, и съели мы торт впятером. Так и «Живаго» хотелось нести по всем знакомым, и я понес, не успев даже дочитать с первого захода. Среди прочитавших были и Аркадий Белинков, и некоторые рабочие того СМУ, где я тогда слесарил. А еще раньше я им давал «Не хлебом единым» — это был 1959 г., и именно дни III съезда писателей, на котором Хрущев уверял, что по прошествии 3 лет после появления этой книги она уже никому не нужна. «Кто ее сейчас читает?» — громыхал ведущий мэтр соцреализма, а в это самое время наши рабочие читали эту «забытую» книгу в три смены: кто из ночной смены — читал днем, кто после дневной — читал вечером, а кто из вечерней — читал ночью. А что уж говорить о чтении самиздата!

Как же не вспомнить об этих романах, когда наступает какая то их годовщина? В нынешнем году, например, едва наступит Октябрь, я отпраздную 20-летие «Доктора Живаго». Написан то он раньше, но всенародная известность его началась именно с нобелианы Пастернака.

Любопытное примечание: среди матерых книжников я узнал, что существуют рыночные цены не только на книги, но и на «прокатное» время пользования недоступными книгами. За чтение «Доктора Живаго» брали, кажется, 30 руб., а бывало, вроде бы, и 50 — цены колебались. Напомню, что после ареста Радищева и уничтожения остатков тиража «Путешествия» оставшиеся единичные экземпляры тоже давались читать за плату. Гостиннодворские купцы платили по 25 руб. за час чтения! Спросите у экономистов историков, что представляла собой эта сумма в 90-е годы ХУШ века.

Если бы я знал о подготовке первого номера нашего московского самиздатского журнала, я бы тогда и написал эти заметки, чтобы не отрываться от юбилейного года, поскольку речь идет о стихотворении гр. Ростопчиной, написанном в 1827 г. Но и сейчас только еще январь. И, наверное, такие задержки допустимы.

Е. П. Ростопчина

ПОСЛАНИЕ К СТРАДАЛЬЦАМ

Соотчичи мои, заступники свободы, —
О, вы, изгнанники за правду и закон, —
Нет, вас не оскорбят проклятием народы,
Вы не услышите укор земных племен
Удел ваш — не позор, но — слава, уваженье,
Благословения правдивых сограждан,
Спокойной совести, Европы одобренье,
И благодарный храм от будущих славян!
Хоть вам не удалось исполнить подвиг мести
И рабства иго снять с России молодой,
Но вы страдаете для родины и чести,
И мы признания вам платим долг святой.
Ах! Может быть, меж вас, в степях Сибири диких,

новения письменности, а вольное слово — с той эпохи, когда человек начал говорить. Это общеизвестно.

Увяли многие безвременно в цепях...
И воздух ссылочный, сей яд для душ великих,
Убил цвет бытия в стесненных их сердцах...
Ни эпитафии, ни пышность мавзолеев
Их прах страдальческий, их память не почтут,
Загробная вражда могучих их злодеев
Украсить нам не даст последний их приют.
Но да утешатся священные их тени!!
Их памятник, – в сердцах отечества сынов,
В неподкупных хвалах высоких песнопений,
В молитве праведных, в почтенье всех веков!
Мир гробу их! '....А вы, сподвижники несчастных,
Несите с мужеством ярмо судеб крутых;
Быть может, вам не век в плену, в горах ужасных,
Терпеть ругательства гонителей своих...
Быть может ... вам и нам ударит час блаженный
Паденья варварства, деспотства и царей,
И нам торжествовать придется мир священный
Спасенья россиян и мщенья за друзей!
Тогда дойдут до вас восторженные клики
России, вспрыгнувшей от рабственного сна,
Тогда вам явится, окончив бой великий,
Младых сообщников венчанная толпа;
Тогда в честь падших жертв, жертв чистых, благородных
Мы тризну братскую достойно совершим,
И слезы сограждан ликующих, свободных
Наградой славною да будут вечно им!...

1827

Евдокия Петровна Сушкова, в замужестве графиня Ростопчина, росла в богатой семье. Ее первое стихотворение опубликовал без ее ведома П. А. Вяземский, оно было встречено одобрением Пушкина и Жуковского. Критика расточала похвалы молодой поэтессе, имя ее обрело широкую известность. Лермонтов посвятил ей известное послание. Стихотворение «Послание к страдальцам» Ростопчина написала в 15-тилетнем возрасте; тогда стихи юной поэтессы распространялись в списках и о них потом вспоминал Огарев:

Не помню – слог стихотворений
Хорош ли, не хорош ли был,
Но их свободы гордый гений
Своим наитьем освятил.

В 1846 г. Ростопчина обратилась к мятежной Польше с аллегорической балладой «Насильный брак». Она вызвала негодование Николая I.

Мужественные стихи русской поэтессы писались не в либеральные александровские времена, не в пору пушкинской «Вольности», а в «морозную полосу». Я напомнил о «Послании к страдальцам» не только ради его юбилея, но также для того, чтобы поставить в при мер 15-тилетнюю дворянку многим нынешним «либеральным» и «радикальным» поэтам, в том числе и самиздатчикам, чья муза пребывает в полнейшем забвении тех, кто гибнет в застенках, если сами поэты еще и помянут о них. Я уж не повторяюсь о людоедском выступлении на XXIII съезде

КПСС члена ее ЦК Шолохова – идеологического Малюты Скуратова. Но вот Евушенко некогда писал, когда это не было столь опасно, что если, мол, идет на бой за правду бесталанность, – «талантливость, мне стыдно за тебя». Но ни он, ни другие претенденты на звание талантливых воителей – Рождественский, Ахмадулина, Вознесенский и пр. до сих пор не поднялись до гражданского уровня, заданного 150 лет назад дворянской девушкой-подростком. Они, возможно, повторят ее подвиг когда-нибудь в «Вознесенье, когда будет оно в воскресенье». Я не знаю также, писал ли в лагеря и желтые тюрьмы что-нибудь подобное «Посланию» Ростопчиной, хотя бы один поэт из числа борющихся, даже из тех, что сами там побывали. Хотя бы из эмиграции, где явно ничто не угрожает.

Этим воителям из «Русского Парижа» (так была названа хвастливая передача о них в программе «Голоса Америки», ими же, наверное, и составленная – 7 и 8 июня 1977 г.) будет посвящена в следующем номере журнала лекция о втором юбилеаре – об остроте Вяземского.

Не стало Толи Якобсона

Общепринятое некрологическое мнение изображает, должно быть, следы на цыпочках ушедших слов — наследили на мраморе — благоговейно, гуськом...

Мне хочется, однако, нарушить эту их склепную тишину.

В. Набоков

Десять лет назад я жил у Якобсонов в Зюзине, скрываясь от моей милиции, напуганной судебным разоблачением, поскольку была причастна к подлогам и лже-свидетельствам заводской администрации, уволившей меня с волчьим билетом в честь 50-летия Октября и по указанию КГБ. Вскрытые в судебном разбирательстве по предъявленному мной иску эти предлоги послужили поводом для частного определения, вынесенного судом в отношении администрации завода, где я до увольнения работал начальником смены. Знала ли судья А. Никишина, что руку заводского начальства направляет охранка? Думаю, что знала. Когда я спросил М.П. Устинову — ищейку из спецчасти завода, — откуда ей стало известно о моем прошлом лагерном сроке и о характере моего тогдашнего дела, о котором она просветительствовала по всему заводу, — Никишина с отчетливо-понимающей ухмылкой остановила меня: «Снимаю вопрос!» В ее мрачно-веселой mine я прочел: «Не занимайтесь ерундой, держитесь вашей главной цели».

Судья открыто и демонстративно держала мою сторону, и это не было для меня так уж неожиданно. В подготовительные месяцы она сначала отнеслась неприязненно к моей бороде, к берету и портфелю, к моей небрежной речи, полагая, что имеет дело с нудным интеллигентным сутягой, которому трудно где-либо ужиться из-за повышенных претензий к жизни и к окружающим, из-за завышенной оценки собственной персоны и заниженной оценки прочих персон — вечно правый и возмущенный Паниковский: «Жалкие, ничтожные люди!» Потом, когда она потребовала у меня трудовую книжку и просмотрела ее, я опасался нового всплеска недовольства, т.к. у меня кончался вкладыш; отметок о многократно меняющихся местах работы у меня было достаточно, чтобы подтвердилась, предполагаемая мной, ее догадка о вечной неуживчивости и недовольстве всем и вся. Это чудилось во мне и другим, даже порой хорошим знакомым, и я уже был опытен в том, как бывают уверены, что понимают нас лучше нас самих и уверяют, например, что мы мнительны или наивны или занимаемся пустяками... И сами мы, конечно, не понимаем этого, не знаем, что для нас пустяки, а что важно.

Я не ухожу в сторону и не пишу воспоминаний о себе — я рассказываю о Толе, хотя и начинаю издалека. Он не был из таких, которые знают лучше нас, кто мы такие и что нам следует делать, как поступать. И, кстати, не возмущался, когда опека и самонадеянное рецензирование чужой психологии затрагивали его самого. Снисходительнее Толи и Гриши Подъяпольского я не знал никого. Я еще подумал однажды, что Пушкину такая безмятежность в межчеловеческих передрыгах так была бы кстати. Многие, наверное, читали о его отношениях с друзьями — с Вяземским, например, и о предостережениях последнего относительно возможности недоброго исхода их дружбы, если не обуздать раздражительного упорства, которым Пушкин встречал любой совет или заботу о его благополучии.

... Итак, Никишина, к моему удивлению, сказала: «У вас хорошая книжка. Не убирайте далеко, на суде может пригодиться». Верно, ей было приятно избавиться от собственной ошибки в первоначальной и приблизительной своей рецензии — психологической и социальной. Все записи, кроме последней, говорили обо мне как о клейменном пролетарии — каменщике, слесаре и что угодно, только не Паниковский. Я замечал, что избавление от подобных заблуждений вызывает в честных людях стремление наверстать упущенное — выдать побольше теплоты, симпатий тому, кого по неведению до сих пор третировали. Положим, истинная честность не допускает заданных и интуитивных антипатий, но наш уродливый режим десятилетиями все ставил с ног на голову, переставлял плюсы и минусы, и не только понятия и представления, а и многие ощущения, даже инстинкты смещались... Да уж лучше, когда не безнадежно смещаются, когда люди еще способны спохватиться, смутиться, устыдиться. Иногда и в этом возвратном сознании и чувстве уходят в крайность, особенно те, которых принято «русскими натурами». Но Никишина не ударилась в излишества совестливости — ни внешне, ни скрыто. Это была сдержанная женщина, примерно моих лет. Ее неприязнь не выявлялась через, и столь же спокойными были ее досада при сознании ошибки и последовавшая за этим доброжелательность, которая еще не обязательно должна была означать готовность пойти наперекор КГБ. Во всяком случае, я на это не надеялся и пришел в суд с Леной К., чтобы было кому (в недобром случае) рассказать о суде и отдать Майе, Толиной жене, чемодан для П.Литвинова с пятью экземплярами его «Белой книги», только что полученными с машинки.

Больше никто из наших в суд не пришел. Был рабочий день, да и свободным всегда недосуг, а иным просто не хотелось наблюдать в течение нескольких часов мое погружение на дно — другого исхода не ожидали, и я не ожидал. Одна моя знакомая все упрашивала бросить эту тяжбу — каменщиком-то можно устроиться с любым волчьим билетом. Предвидя крах, я все ж решил не отступать.

Дело я выиграл триумфально, один, без адвоката — только благодаря своим напряженным пятимесячным усилиям и безупречной принципиальности судьи Никишиной. Был у меня, впрочем все эти месяцы добрый советчик и друг Илья Зильберберг. Позаботился и Григорий Померанц — помог мне поступить на работу в то самое время, когда я был не только обладателем волчьего документа, а был еще и разыскиваем милицией. Он также свел меня с одной своей знакомой, а та устроила безочередный вход в высшую юридическую консультацию профсоюзного Олимпа, где старались меня просветить и натаскать, но все преподаваемое я знал назубок, ибо времени для юридической подготовки было в избытке.

А морально я не был подготовлен к столь громкой победе, она меня ошеломила. Возмущенные заводские вельможи с их юрисконсультом галдящим клубком вывалились из зала, забыв на столе секретаря пачку своих повесток. Было радостно не столько от победы, сколько от нового подтверждения нашей уверенности, что Россия жива, что ее и в XX веке не удалось прикончить катан с метлами и собачьими головами.

Я не забуду Никишину, как не забуду 25 июня 1950 года на станции Торбеево ту заплаканную женщину на платформе у столыпинского вагона, которая, хоть и без имени, стала известна в нынешнем десятилетии во всем мире — после появления «Записок Сологодина» и последнего тома «Архипелага ГУЛаг». Это были единственные виденные мной слезы, посвященные заключенным — единственные за 10 лет тюрем, но их мне хватило, чтобы Россия наполнила меня своим трагическим великодушием, уберегла от отчаяния, пустоты, слабодушия, от компромиссов и союзов с подлецами, с сильными и снисходительными врагами или двоедушными доброжелателями.

Я все ломаю голову: если б оказался я на Западе, как бы мне вспоминались эти две женщины — неизвестная по имени, увиденная через решетку вагонного окна, и Никишина, не расставшаяся с честью даже в судейском звании — при таком-то режиме! Когда я проникаюсь ощущением воображаемого расстояния между

ними и мной, мне кажется, что я понимаю все, происходившее с Толей все пять лет его жизни без России.

Опять вспоминается прошлогодняя передача «Голоса Америки», 7 и 8 июня — программа под названием «Русский Париж». Наглые, но не назвавшиеся себялюбцы заявляли, что сейчас «быть патриотом — значит уехать» (цитата точная). Этих анонимных патриотов я сравниваю сегодня с Анатолием Якобсоном и мне стыдно, что с теми парижанами я был когда-то знаком, может быть и дружен.

Итак, я жил у него в 1968 году, перед тем, как сбежать от милиции и охраны еще дальше — в тайгу: победа в суде вышла мне боком, испуганные проходимцы в форме и в штатском утроили свои усилия и плутни. (После тайги опять пришлось мне устроиться каменщиком и быть им до ареста 1969 года.)

Мы были с ним знакомы уже 12 лет, но только в месяцы совместного проживания узнал я его близко. Ссорились за 12 лет только раз. Плохо помню, как это ухитрился я с ним повздорить — другим тем более трудно такое вообразить, зная о его широко распахнутой и буйной доброте. Это был общий любимец, дитя успеха. Это был физический, интеллектуальный атлет. Среди широко одаренных натур он был одним из немногих, замеченных мной, которые словно стыдятся своего природного богатства, будто при его распределении им досталось лишнее за счет других, недодаренных. Словно преследуемый этой безвинной виной, он пребывал в постоянной готовности искупать ее, расплачиваясь со всеми — как бы отдавая долги, тем более тяжкие, что никто их напрямую не просил, размеры их были неведомы, и этот вечный должник метался, не зная — для кого больше стараться. Он был непозволительно прост, не понимал, что рядом с ним были не только единомышленники, одержимые единой для нас страстью человеколюбия, свободолюбия, ненавистью к угнетателям и тартюфам от разных идеологий и религий. Он дорожил, как и все мы, ранними иллюзиями, но он — дольше всех, и в 35 лет еще не имел права сказать: «Исчезли юные забавы...» Он упорно не замечал возле себя двоедушия и темных помыслов честолюбцев, а они эксплуатировали его душевную щедрость, безотказность, привязанность. Для них наше опасное и правое дело было раздольным полигоном, где можно дать разбег кипящим амбициям, катализируемым соблазнами легко достижимой популярности. Таким популярность никогда не бывает в тягость! И такие вожделенно липнут к простодушным богатырям, расточающим для всех свои интеллектуальные и душевные сокровища.

У нас накопился уже нелегкий опыт, оплаченный баснословной ценой, но сколько еще до этого опыта дозревает наивных или просто недалеких — их сбивает с толку риск, явность которого отвлекает простодушные и восторженные взгляды инакомыслящих от помыслов, скрытых за этим риском. Сколько их, рисковавших и красовавшихся собой, свалилось с коней! Им подай опасности лишь в таком-то количестве и такого-то качества, и лишь на столько-то времени, и при непременно условии, чтобы на самом высоком зрелищном уровне — с афишей и аншлагом, да с оплатой по высшему тарифу! Им подай тюрьму на годик-другой — только отметить! На дальше не согласны. Только попозировать перед миром из-за решетки. А когда тюрьма отверзнет им многолетнюю зияющую перспективу, у них начинаются душевные оползни... А какое движение убереглось от них? Были ли хоть одно большое дело, в которое бы они не сумели втереться? Хвала еще небу, что нам их досталось немного, и эти глисты не успели высосать наш моральный организм.

Нарциссы, не успевшие еще расцвести, ни даже раскрыться в телепокаянном ворковании или в застенчивой публицистике «Лит. газеты», бегут заранее, ибо знают, что после телевизионных и газетных упражнений невыносимо будет одиночество, вернее — отсутствие аудитории, страшно будет ожидание внезапных встреч с недавними товарищами где-нибудь в метро, на улице, у общих знакомых, чья застенчивая и растерянная снисходительность кого-то из падших нарциссов устраивает, хоть и не в той мере, в какой устраивала восторженная аудитория, а кого-то их них такая застенчивость казнит свирепее карцеров и сульфазина.

Толя и к таким был снисходителен — словно совестно было ему, что он так силен, а они так слабы, словно была в этом и его вина.

Самого-то его и тянуло в тюрьму, и не тянуло. Жена сидела, тесть сидел (Александра Петровича Улановского я свел с Исаичем, и вроде был от их знакомства толк); друзей и знакомых сидело несчетно, и Толя среди них чувствовал себя порой каким-то салажонком. Помню, сокрушался, что один сноб все напоминал ему об этом, использовал даже свою былую отсидку как аргумент в спорах. «А мне и сказать нечего», — сетовал Толя, плохо скрывая неуверенное возмущение.

Не спешил он, однако. Не берегся, а не спешил с самим этим желанием, и кулаки удерживал иногда чуть не зубами. Садисься, и сколько из-за тебя хлопот, суеты, мытарств. А его застенчивость, боязнь излишка внимания к себе были какой-то патологией — и так уж должник всех на свете, а там и вовсе изойти благодарностью, преданностью, любовью к человеческому роду. Эта любовь оказалась властной вымогать у него слезы — я наблюдал их несколько раз; например, когда читал он вслух последнее слово Кости Бабицкого, комментируя, как человек, гуманист, попавший в яму к зверям, пытается еще хоть в чем-то их вразумить. Затем — в Орловском центре, после 20-минутного свидания, когда расставались. «Ну и нервы у тебя!» — прикидывался я, как мог, невозмутимым, чтобы ему было легче. Он успел объяснить, уходя, что это не «нервы», это из-за бессилия — из-за того, что он уезжает, а я остаюсь. Потом в письме все это растолковал мне подробнее и добавил, что я могу за него быть спокоен, если и он окажется взаперти. Будто б я сомневался!

Да, в эмоциональной организованности ему далеко было до Никишиной. Здоровяк, оптимист, непоседа, обладатель крепкого и стройного тела, стальных бицепсов, густой непослушной шевелюры, совершенно открытого лица, застенчивого и мужественного, временами он повергал себя в пучину чувствований, пафоса и едва справлялся со своей неистовой холерической озаренностью, и при этом — неизменно ясная голова, удивительное ораторское искусство, не нарушаемое даже взрывами эмоциональной хаотичности. У него был редчайший для нашего времени дар координации усилий души и интеллекта — свойство великих людей. Борющаяся Россия, ее Соппротивление никогда не были бедны замечательными людьми. Не жалуемся и сегодня. Такие люди, как Г.Подъяпольский, А.Костерин, Ю.Галансков, В.Никольский, А.Якобсон (всех не называю даже ушедших) — необходимый и естественный противовес тем разрушителям, коих я сравнил с глистами, а их тоже хватало в прежние времена, так что ныне они нам не больший укор, чем Майборода — декабристам, Азеф — эсерам или Иуда — всему двухтысячелетнему христианству.

Первопроходец свободы, отмеченный на титульном листе истории демократического движения в России, ушел из жизни собственной волей. В годы создания «Путешествия» он уже предвидел для себя вероятность такой участи (знал же, на какое идет он «чудище» и самим эпитафией словно объявлял ему: «Иду на вы»). Он писал: «Если добродетели твоей убежища на земле не останется, если доведенну до крайности не будет тебе покрова от угнетения, тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое... — Умри». Радищев погиб воином в неравном бою.

Анатолий Якобсон погиб в неравном мире. Вернее, в неравном, скрытом сражении, вводимом не по правилам — одиноким, честным воином.

До выезда из России он не знал ни больших бед, ни тюрьмы (кажется, и я его этим попрекнул, как тот «сноб»), и поэтому не понимал многого, что необходимо понимать, живя во времена воинственного ханжества, когда каждый Яго становится явным лишь тогда, когда уже поздно, когда его нож уже в твоей спине. Обмороченный неизменным успехом, он не получил необходимой закалки. Могучий боец, он не выработал в себе реакции на двоедушие мнимых друзей, не замечал его подолгу, так как знал о нем лишь теоретически. Когда же, начиная с 1973 года, ему довелось уже встречаться с двоедушим лицом к лицу, тогда было уж недосуг во

всем этом разобраться — он уезжал. И уехал смятенный, незащищенный, уже познав душевный озноб...

«Моцартовский характер», — сказал он как-то об одном своем друге. Я так воспринимал и самого Толю. Что делать моцартовским натурам в наше немощное время, обильное Собакевичами и Яго, не ведающими комплексов и нравственных передрыг?

Ночь на 30-е апреля 1969 года я провел у Толи в Зюзине (опять пришлось скрываться), сидя над спидолой. Именно в эти сутки впервые дошла весть о появлении на книжных прилавках Европы и Штатов книги А.Марченко, и в этой же передаче — об угрозе нового срока для него. Толи дома не было. Утром он ворвался в квартиру, взбудоражив ее якобсоновским темпераментом. В руках книга. Раскрыл ее, прочел надпись, показал мне: «Анатолию Александровичу Якобсону с восхищением и завистью. Корней Чуковский. 30 апреля 1969 г.» Был день его рождения. Значит, старик, с которым он тогда еще не был знаком, узнал заранее и дату, и отчество, и снарядил в это утро посыльного, молодого человека, встретившего Толю у подъезда для вручения подарка (он отказался от приглашения зайти).

Надпись Корнея Ивановича была откликом на появившуюся тогда в самиздате Толину работу «О романтической идеологии». Она давно уж известна, как и «Конец трагедии», а о стихах Якобсона знают немногие. Его стихи высоко ценила Ахматова, и на книге своей подписала ему: «Анатолию Якобсону за его стихи». Сам же он, в отличие от демократических, православных и прочих нарциссов, влюбленных в каждую свою строчку, не признавал свои стихи достойными обнародования, и я не уверен даже, что он многое записал — продиктует, когда попросишь, пошлет раз в год в письме. Я помню много его стихов, поэму, от которой мурашки по коже. Записано ли все это хоть вчерне?

На память я знаю только два его стихотворения. По ним и судите о нашем Толе — кто не знал его до 1973 года.

* * *

А. Якобсон

Два стихотворения

*Жаль мне тех, кто умирает дома,
Счастье тем, кто умирает в поля
Д. Самойлов.*

Страх в бою извечен и понятен.
Он, как смерть, гнездится где-то рядом.
На душе он не оставит пятен,
И в крови он растворится ядом.
Головешкой в голове не тлея,
Он по жилам пробежит, как искра;
Человек дрожит, но не подлеет.
Страх немого крика, но не визга.
С ним беседовали молча. Точку
Ставили. Вставали с автоматом.
Но не сетовали шепоточком
На судьбу, и не в подушку — матом.
Смерть в бою сработает мгновенно —
Молнией, несущей ослепленье.
Или — медленные муки тлена,

Запах тлена, но не смрад растленья.
Не пугает смертная истома,
Если горшие увидел боли.
Жаль мне тех, кто умирает дома,
Счастье тем, кто погибает в поле.

АННЕ АХМАТОВОЙ

Рука всевластная Судьбы
Россию взвесила, как глыбу,
И подняла – не на дыбы,
Как Петр когда-то, а на дыбу.

И на весу гремят составы,
Несутся годы-поезда...
Отменная была езда!
Мгла – впереди, и бездна – под,
И от заставы до заставы
Все вывернутые суставы,
Да смертный хрип, да смертный пот.

Но извиваясь от удушья,
Вручая крестной муке плоть,
Россия, как велел Господь,
В ту пору возлюбила душу.

Самой себе могилу рыть,
Любые вынести глумленья,
Но душу – спрятать, душу – скрыть,
Спасти – живую – от растленья,
Надежный отыскать сосуд,
Чтоб в нем душа – как хлеб в котомке,
А там какой угодно суд
Пускай произнесут потомки.

В одной крови себя избыть,
В одном дыханье претвориться,
В наперснице своей судьбы,
В сестре, избраннице, царице.

Найти такую и обречь
На муки, и, святынь святей,
Собою заслонив, сберечь
От тысячи смертей.

Фемида ля комедия

Трудно припомнить во всей истории цивилизованного общества подобный прецедент – уголовное дело о журнале, ведущееся неприкрыто и систематично в течение почти двух лет. В этом отношении «Поиски» – журнал уникальный. Не исключено, что каким-то образом это поняли и сами организаторы закрытого «судебного» шоу, и возможно, что именно это стало причиной отказа на последнем этапе от явного дела о журнале, с одновременным выводом на судебные заседания половины членов редколлегии, отсидевших к октябрю с.г. по 8 и 10 месяцев в уголовной тюрьме¹. Их дела о «Поисках» были выделены на каждого редактора отдельно, од-

---

¹ Речь идет о членах редколлегии журнала «Поиски» Валерии Абрамкине, Юрии Гримме и Викторе Сокирко, арестованных в конце 1979 — начале 1980 г.

нако судебные спектакли были сыграны все в течение девяти дней – с 1-го по 9 октября, свидетели были почти все одни и те же на всех трех шоу, а главное – методы советского правосудия с убийственным однообразием повторялись на каждом из них, как и на всех прежних закрытых уголовно-политических инсценировках, начиная с дела Иосифа Бродского в 1964 году и, идя дальше по хронологии – начиная еще от эпохи ЧК.

Об уровне образования людей, взявшихся судить о нашем журнале и взявшихся судить его редакторов, говорит хотя бы примечательная фигура следователя Ю. А. Бурцева, который слаб даже в правописании – именно он вел дело о «Поисках», еще с первых погромных обысков 25 января 1979 г. Об интеллектуальном и нравственном уровне вершителей судеб отечественной культуры и вершителей судов над ее представителями свидетельствует в нашем случае: полное отсутствие обоснования и доказательств по формуле обвинения на всех трех процессах, отказ от привлечения экспертов с этой целью, подмена экспертизы такими «рецензиями» и «заклечениями», которые выполнены на уровне низкопробных фельетонов, относящихся к жанру политической бульварщины Михайловых, Петровых-Агатовых и пр. Эти заключения, изготовленные по заказу следствия группой представителей казенной науки, на процессах не только не решились огласить или хотя бы цитировать, но даже останавливали обвиняемых и свидетелей, когда они упоминали об этой позорной продукции ученых подручных охранительного ведомства. (В прошлом таких можно отыскать убогое число, при этом Булгарины и Гречи ничего, кроме отвращения, не могли вызвать ни у общества, ни у самих жандармов).

Здесь же следует упомянуть о заведомо провокационных действиях следствия и умышленных фальсификациях в оформлении следственных протоколов, методичного противозаконного давления на большинство лиц, привлекавшихся Московской прокуратурой в качестве свидетелей (их было не менее полусотни), нередко и прямой шантаж, использование провокатора (И. Касаткина) на процессах В. Абрамкина и Ю. Гримма.

Это – об интеллектуальном и нравственном уровне служителей столичной Фемиды. Что касается уровня правового, то об этом свидетельствовать будет вся совокупность сведений о судах и о следствии, не нуждающихся в комментариях. Кроме уже перечисленных, приведу еще некоторые сведения, относящиеся к материалам суда над Юрием Гриммом.

Из обвинительного заключения:

«Вина Гримма в совершении преступления подтверждается... изъятием этого номера в квартире Сорокина, осмотром его, показаниями свидетелей о том, что они читали 3-й номер журнала, выписками из передач зарубежных радиостанций...» (Заметим, что это пишется о журнале, выпущенном именно для чтения, а не для хранения в книжной палате; заметим и то, что ни в пункте обвинения по этому номеру, ни по другим номерам нет ни одной ссылки на заключения экспертов – экспертизы не было) .

Из последнего слова Ю. Гримма на суде:

«На 2-й страничке обвинительного заключения говорится, что дело на меня из «Поисков» выделено с целью всестороннего, объективного и наиболее полного расследования (когда уже закончено было следствие! – В.Г.), и тут же, на этой же страничке, написано, что я изготовил и распространил 3-й номер журнала «Поиски»... Как я мог поместить в 3-м номере журнала какие-либо материалы, не являясь членом редколлегии?» Гримм отметил, что специально молчал об этом до самого суда, ожидая от судей профессиональной внимательности, но этой оплошности ни прокурор, ни суд не заметили. Гримм вошел в редколлегию уже после выхода 3-го номера, его имя не значится в этом номере в составе редколлегии.

Ю. Гримм с самого начала спектакля отказался в нем участвовать и молчал два дня, использовал лишь последнее слово. Еще одна выдержка из него:

«На 5-й и 6-й странице говорится (в обвинительном заключении. – В.Г.), и повторил это, соответственно, государственный обвинитель, что в декабре 1979 года

я распространил 6 номер журнала «Поиски», т.е. изготовил и распространил – в декабре. И вот читаем мы этот абзац. Перечислено, какие тут статьи... Вот, значит, о том, что передан за границу, где использовался «Радио Свобода» 28 сентября 1979 года... 28 сентября «Радио Свобода» использовала этот номер, а он вышел аж через три с лишним месяца!»

В обвинительном заключении сказано, что несмотря на предупреждения обвиняемому о недопустимости проводимой им деятельности, он «продолжал проводить ее в указанный период, представляя тем самым возможность печати и радио капиталистических стран... использовать материалы журнала «Поиски» с целью обмана мировой общественности и формирования ее искаженных представлений об СССР».

Итак, рабочий Ю. Grimm, в прошлом активный участник работы профкома, передовик, портрет которого годами висел на доске почета – стоило лишь ему начать мыслить, а за этим в цивилизованном мире предполагается неминуемое формулирование мысли, устное и печатное, – и власти великой державы, тотчас напуганные мыслящим пролетарием, немедленно заперли его в лагерь на 6 лет за то, что мыслил этот пролетарий не наедине с собой, а предлагал обсудить его мнение сотням людей, читавшим его листовки. Рабочий, представитель правящего класса, посмел использовать конституционное право на мысль и слово! Использовал свободу слова и печати, употребив на это собственные усилия, т.е. не имел доступа к «свободной» печати своего государства! Это было в 60-е годы. После падения Хрущева Гримма освободили, сократив его срок наполовину. Значит, можно полагать, не так уж опасно мыслил Юрий Grimm даже с точки зрения властей, иначе бы Верховный Суд СССР не принял бы в апреле 1965 года решение об освобождении рабочего, осужденного по статье 70-й, относящейся к особо опасным преступлениям. Ведь многих продолжали держать в лагерях и после Хрущева.

Когда Юрий убедился, что его государство и не думает ничего менять в том укладе, который навел его на горькие размышления в начале 60-х годов (надеясь на оздоравливающие перемены, он работал за семерых и был активным общественником-профсоюзником), когда он увидел, что множество людей покидает нашу страну, отчаявшись, как и он, в ожидании возрождения России, мерцавшего нам всем с 1956 года – тогда Юрий решил покинуть Родину. И был прав. Я – закоренелый противник эмиграции, но это мое личное убеждение, которое в плане моего общения с людьми не затрагивает противоположных убеждений ни на волосок. Я помню постоянно о статье 13-й Всеобщей декларации прав человека, помню и слова Тургенева том, что для истинного патриота есть только одно отечество – демократия. Тургенева ли мы заподозрим в недостатке патриотизма!

Юра Grimm – истинный гуманист и демократ, таким его знают все его товарищи. Было время, когда его не выпускали, было время, когда он и сам не хотел уезжать, понуждаемый неизменным стремлением помогать людям, борющимся за свои права, за демократизацию, за возрождение народа. Но вот тяжело заболел его сын-подросток (и болен до сего дня). Юрий снова активизировал свои усилия, требуя права на выезд из СССР – здесь помочь больному ребенку трудно, если вы не принадлежите к номенклатурному сословию. Причина отказа Юрию в выдаче визы совершенно непонятна. Если он, возможно, и был когда-то на работе в учреждении, тайны которого представляют предмет заботы наших органов, то ведь и принимали его на работу после отбытия нескольких лет лагеря, со статьями из «особо опасных». Значит, тайны там весьма дешевые. Как бы то ни было, Юрий не хотел сидеть сложа руки. Как на работе он постоянно был в передовиках, так и в правозащитной борьбе он никогда не относился к таким, для кого это – хобби. В его исключительно трудолюбивой, увлекающейся и активной натуре всегда присутствовало одно качество – неудержимость в работе. И мы знаем, сколько делал Юра для людей!

Поэтому никто из нас не удивляется, что его характеристики, запрошенные следствием с места работы и от соседей по квартире, были хорошие. А нам его характеристика не нужна – мы знаем Юру! Мы будем его защищать.

Я требую, чтобы Гримм, Юрий Леонидович, рабочий, право защитник, член редколлегии журнала «Поиски», был немедленно освобожден, чтобы ему было предоставлено право выехать с семьей из СССР.

Октябрь 1980 года

Идеологи с большой дороги

Очередной судебный балаган прошел 16 декабря в подмосковном Пушкино, где когда-то, в младенческие годы нашего режима, его певец создавал свои агитплакаты. Не только этот «агитатор-горлан», но и очень многие культуртрегеры Запада и Востока, поклонявшиеся младенцу, оказались в роли очарованных волхвов, не предвидевших какую он принесет им благодарность за их дары через два десятилетия.

«Страна-подросток» еще тешила надежды некоторых интеллектуалов России и Запада, словно бы не заметивших или действительно не замечавших всего, что заметили, например, Мандельштам, Платонов, Пильняк, а Замятин и Булгаков – еще в те годы, когда писались в г. Пушкино агитокна РОСТА¹. Их создатель и сам заметно засомневался в последние годы, перед самоубийством, и это сказало даже в его ликующей октябрьской поэме – например, в грустном окончании диалога на «красном погосте», где ему нечего было ответить на тревожный вопрос из могил о «всевластной тине».

Не в пример Иудушке Головлеву, «подросток» задолго до полного возмужания развернул свои таланты и недолго притворствовал перед «друг-маменькой» – Россией которой тоже в свое время предсказывали и автор пророческого романа «Мы» (недавний социал-демократ), и сам социал-демократический папаша Плеханов: «Наседка спохватится, да поздно будет». Это говорил матери-Головлевой дурачок, блаженный, а матери России говорили ее духовные избранники, составлявшие цвет интеллигенции – говорили дома, затем в изгнании. И – что там буржуазные интеллигентские кликуши! – кричал даже пролетарский кумир, основоположник соцреализма, и он был не из тех, спохватившихся позже, а кричал в самые первые месяцы. Его кричащие «Несвоевременные мысли» на родине до сих пор прячут в спецхранах стражи соцреализма, идеологи, написавшие имя Горького на своем знамени.

Итак, в городе Пушкино, где Маяковский бил по плечу солнце, присягая с ним на пару «светить всегда, светить везде», в судебно-идеологическом балагане был вынесен приговор Виктору Сорокину, экономисту, журналисту, борцу за права. Сорокин – четвертый из сотрудников редакции журнала «Поиски», над которыми учинена расправа (исключение Р.Б. Лерт из КПСС и два месяца моего психиатрического олимпийского ареста я не беру в счет) .

Дело о «Поисках» – уникально. В истории русской журналистики и в истории русских охранительных служб ничего подобного до 1980 года не происходило. От сатирических журналов, издававшихся молодым Крыловым, до ждановского разгрома двух ленинградских журналов в 1946 году и до ликвидации в «Новом мире» редакции Твардовского в 1970 году – не отыщется прецедента, на который можно было бы сослаться в разговоре о судьбе журнала «Поиски». Можно вспомнить о таких изданиях, как «Европеец» И. Киреевского (запрещен после второго номера), «Московский телеграф» Н. Полевого, «Телескоп» Н. Надеждина, славянофильский

---

¹ В интервью, данном А. Д. Сахаровым 22 февраля корреспонденту «Вашингтон пост» и опубликованном в этой газете 9 марта под заголовком «Некоторые мысли на пороге 80-х годов», великий сын России сказал, что 15-летнее правозащитное движение в нашей стране «изменило нравственный климат и создало духовные предпосылки для демократических изменений в СССР и для формирования идеологии прав человека во всем мире. Основные иллюзии о сущности нашего строя, которые были когда-то всеобщими среди западной интеллигенции, стали гораздо менее распространенными, более того, сегодня их почти нет». — *Примечание автора.*

«Московский сборник» 1853 года; «Современник», закрытый «по особому повелению» (одновременно с «Русским словом») в 1866 году, после 30 лет жизни журнала, начатого Пушкиным; «Отечественные записки» – после 50 лет издания; «Искра» (1859 – 1873), закрытая правительством; запрещенные в 60-70-е годы «Всемирный труд» и «Северный вестник» («по высочайшему повелению»), «Новости», «Гудок»; газеты «Русская правда» – «за вредное направление», «Неделя» (1880); журнал «Дело» (1888) ...

Можно напомнить о тонких журналах 900-х годов, запрещавшихся и выходивших чуть ли не на следующий день под другим названием, о запрещавшихся уже при Совнаркоме журналах и газетах – в частности, меньшевистская газета «День», закрытая в феврале 1918 г. за кампанию «брани, лжи, клеветы, инсинуаций против рабочего и крестьянского правительства», и 25 октября того же года – «Еженедельник ЧК», за опубликование в 3-м номере статьи «Почему вы миндаличаете?» – по определению ЦК, «восхваляющей пытки» (редкий случай запрета, достойного всенародного одобрения!). 22 февраля 1919 г. была закрыта меньшевистская газета «Всегда вперед», в июне 1922 года – журнал Русского технического общества «Экономист».

Да, много чего бывало за 277 лет русской журналистики.

Но не было еще такого, что происходило с журналом «Поиски» и вокруг него. Около полусотни привлекавшихся по делу в ходе дознания, следствия и суда, более тридцати обысков, уличные захваты редакторов и сотрудников журнала, погромные рецензии для суда, выполненные в духе бульварно-черносотенной журнальной продукции и призванные сыграть роль экспертных заключений (для этого были привлечены доктора наук от идеологических служб и один членкор Академии). Все это уже продолжается два года и будет продолжаться дальше – дело о «Поисках» не закрыто. По этому делу почему-то проводились недавно обыски у пяти писателей, заявивших в соответствующие инстанции ходатайства от имени большой группы литераторов о разрешении образовать литературный группком по образцу группкома художников-графиков (1976 г.). Обратим внимание: литераторы, добивающиеся открытого и легального творческого союза, загоняются властями в подполье! Напомним, что и журнал «Поиски» был объявлен как легальное издание и тоже был загнан властями в подполье.

10 декабря, когда по случаю Дня Прав Человека десятки московских правозащитников были взяты под охрану – одни дома, другие на работе, – следователи московской прокуратуры провели обыски в трех московских квартирах и в одной квартире в городе Лисичанске. Среди следователей был Ю. Бурцев, ведущий до сих пор дело о «Поисках». Именно по этому делу производились обыски, хотя разыскиваемый ими роман никакого отношения к журналу не имеет и, по утверждению самих следователей, отправлен был не в «Поиски», а за океан, и захвачен будто бы был на таможне.

Впечатление таково, словно вся самиздатская литература теперь проходит по делу о журнале «Поиски», как бы интегрированная в этом уголовном досье. Спасибо за такое признание интеграторам с площади Дзержинского, но нам стыдно за столь высокую оценку нашей работы, ибо эта оценка вызвана интеллектуальной немощью деятелей современного сыска. В III отделении публика была образованнее. Например, по делу о «Телескопе» специальной комиссией привлекались редактор Надеждин, цензор Болдырев и Петр Яковлевич Чаадаев, чье «Философическое письмо» стало причиной запрещения «Телескопа». Дело было очень скоро закрыто, и не пошли по этому делу ни Лермонтов с его стихотворением «Смерть поэта», ни Шевченко с его «Кобзарем», ни другие издания участников Кирилло-Мефодиевского общества, ни петрашевы – никто не пошел; даже переводчика «Философического письма» с французского на русский III отделение искало без особого тщания. Болдырева уволили от должности, Надеждина ненадолго выслали, а Чаадаева объявили сумасшедшим – по прямому письменному указанию Николая I. Медицинский надзор осуществ-

влялся на дому, а общество восприняло это как вид нравственной кары – официальное заключение о состоянии психики философа никто всерьез не принимал.

Виктор Сорокин обвинен формально не за участие в работе редакции «Поисков», а за дачу ложных показаний суду по делу о журнале. Но никаких, разумеется, ложных показаний он не давал – разве что само присутствие на судах, где все ложно и мистифицировано, кроме только четко-реального приговора, ставит любого из нас в более или менее ложное положение, даже если мы отказываемся разговаривать с судьями, но самим своим присутствием, пусть даже радостным для обвиняемых – наших товарищей, поневоле участвуем в создании эдакого судебного ансамбля, нужного им, но не нам.

Любые разоблачительные усилия в отношении следственных и судебных фальсификаций подобны мнимому кормлению в биолaborаториях: корм наших аргументов пропадает впустую, но помогает при этом вырабатывать в чреве беззакония желудочный сок, способствующий его пищеварению, а во чреве – наши товарищи. Сколько их переварила каннибальская утроба, и никому не помогли наши аргументы. Блистательное выступление Сони Сорокиной на суде над В. Абрамкиным – радостное исключение, но все же исключение. Заинтригованные и поэтому растерявшиеся судьи, видимо, надеялись что-нибудь выловить для себя из ее выступления, поэтому и терпели необычную речь до конца. В другой раз они не клюнут – оборвут на полуслове.

Виктора Сорокина обвиняла та же Праздникова, которая в октябре обвиняла Гримма. Она прокурорствовала на суде Сокирко. Дело о «Поисках» раздробили на разрозненные по видимости отдельные дела, побоявшись вывести одновременно на судебную расправу всех редакторов и сотрудников – это было бы беспрецедентным скандалом перед лицом современной культуры и цивилизации. Но повторяемость от процесса к процессу все тех же свидетелей, все того же обвинителя, дублиаж известных приемов, столь характерных для советского «правосудия» – все это не дало ему спрятать ослиных ушей. Суды над Абрамкиным, Гриммом, Сокирко и Сорокиным, начатое недавно следствие над писателем Михаилом Лятовым – это единый процесс о журнале «Поиски», первый, беспрецедентный «много серийный» суд над свободной журналистикой.

Радуйтесь, гуманитарные волхвы, если еще есть кому радоваться, если еще кто-то из вас выжил после десятилетий истребительной войны против мысли!

В декрете Совнаркома о печати – 27 октября (9 ноября) 1917 года говорилось: «Как только новый порядок упрочится – всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода...»

Теперь, через 63 года после этих заверений, можно подумать, что не только в Афганистане, где «новый порядок» – еще младенец, хоть уже и не привлекающий ликования и даров ни с Востока, ни с Запада, – но и в СССР, после шести десятилетий сплошного триумфального шествия, этот порядок все никак не упрочится! Правда, если довести цитату до конца, то мы убедимся, что обещание предусматривало для печати полную свободу «в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону». Умудренные 63-летним опытом, мы уже ведаем всю относительность понятий «широкий» и «прогрессивный», да и самого понятия «закон». А что касается ответственности перед судом и прочих правовых понятий – тут всякие комментарии будут столь же не нужны и немощны, как и упомянутое выше юридическое мнимое кормление.

Журнал «Поиски» был задуман и начат как издание дискуссионное. Дискуссии когда-то допускались внутри нашей правящей партии, да с выносом в печать – и даже в годы, когда воинственного «младенца» лихорадило на всех фронтах, и обстановка требовала стального единства, железной внутривластной дисциплины. Дискуссии первого послереволюционного десятилетия сменились сталинской мясорубкой, а после обманной послесталинской «оттепели» неосталинисты, понявшие немалую для них самих опасность полемик с применением пыток и расстрелов, разработали новый стиль рас-

правы с мыслью и оппозицией – с использованием правовых имитаций, законоподобных охранительных систем и мнимосудебных балаганов.

Из той опасности беззакония, которую они поняли для себя, уроки они извлекли отчасти в десятилетия правления обер-палача, отчасти – после него, когда народ покарал немногих из них, остальных помиловал. Русская история вечно изобилует превратностями, неприятными для тех, кто ее не понимает, и особенно опасными для тех, кто не хочет понимать. Разбойникам, помилованным в 50-е годы, когда они отделались испугом, на размышление было предоставлено достаточно времени, и в недалеком будущем, когда им повторно придется держать ответ перед народом, они не могут рассчитывать на очередное помилование после того, как размышляя о своих делах уже почти три десятилетия, они все-таки ничего не поняли и ничему не на учились.

Мы верим, что близко время, когда Иудушка, раскается ли он или беспokoянно, скрючившись, закоченеет на братской могиле своих жертв, которым несть числа.

18 декабря 1980

Приложение

Два сюжета*

В первые годы реформ я предполагал, что КГБ меняет направление и методы своей деятельности — хотя бы в силу его подчиненности ЦК КПСС, определяющего новый курс. Его новизна — уж там вынужденная или инициативная — была сильнее Чебрикова с его прошлым и с его каннибальскими филиппиками на 27-м съезде. Тем более, казалось мне, новое направление должно было господствовать в работе КГБ под руководством Крючкова, возглавлявшего до этого разведку и вроде бы не связанного с расправами по идеологическим мотивам внутри страны. После путча всем, стало ясно, каким был КГБ все предшествующие годы. После недавних выступлений Черненко всем стало ясно, каким это ведомство продолжает оставаться.

Мне хочется пройти по двум сюжетам. Первый — о председателе КГБ Белоруссии. Как известно, это единственное из 15 государств СНГ, где наименование КГБ осталось не измененным. Его председатель Эдуард Ширковский прошлой осенью явился зачинателем второй кампании по разоблачению агентов влияния — видимо, где-то в недрах готовящегося заговора против демократии сочли не лучшим вариантом начать эту кампанию в Москве и поручили это шефу белорусской охраны, который много лет проработал на Лубянке, в отделе по особо важным делам. После него, как мы помним, со статьей об агентах влияния выступил в Советской России Сергей Бабурин со товарищи, а потом уж Черненко.

Замечу в скобках, что среди названных и неназванных агентов международного фашизма только Бабурин афиширует, и очень смачно, свою приверженность режиму Саддама Хусейна — наиболее агрессивного очага международной фашистской сети. Разгулявшиеся под благожелательным присмотром КГБ-МБР фашистские и фашиствующие организации называли Ирак «Варягом XX века!» Напомню также о выступлении. Крючкова в январе позапрошлого года, не помню точно на какой день после начала операции «Буря в пустыне».

Нужно ли напоминать, какая тогда собралась для него аудитория и как дружно она рукоплескала его проиракским симпатиям? Итак, Ширковский. Я сказал, что он был зачинателем второй кампании по разоблачению агентов влияния. Первую начинал Крючков в июле 91-го, в ходе подготовки переворота. Это дает основание крепко поразмыслить над нынешними вылазками провокаторов. Я — человек, знающий Ширковского, может быть, лучше других, должен о нем сказать сколько можно подробнее.

Когда был он еще просто следователем в Москве, 5 июня 1970 г, предлагал мне в Бутырской, тюрьме некую сделку, через которую открывался выход на свободу. Я сделку отклонил (весьма неделикатно) и после этого провел за решетками 4, 5 года, в том числе 3 года и 4 месяца в орловской спецсихушке. Ко времени нашего разговора я уже полгода сидел с диагнозом. Выходит, от КГБ зависело, лечить меня или не лечить, а вовсе не от врачей. В кабинете при нашем разговоре присутствовали два безмолвных врача. Тогда же мне довелось лишний раз убедиться в чекистской лживости. Ширковский говорил мне, что за рубежом издан Архипелаг ГУЛАГ. Но я знал об этой книге больше, чем знали КГБ, и двумя проверочными вопросами ложь была выявлена. (Разъяснение, зачем Ширковскому нужна была эта залипуха, заняло бы много времени).

Суть сделки заключалась в том, что я должен был дать им гарантии, что принадлежащий мне экземпляр гнусной чекистской инструкции не будет размножаться и распространяться. Мой экземпляр они не разыскали при обысках, Якир отдал Ширковскому свой фотоэкземпляр, фотопленку, а оригинал был изъят еще 7 мая

1968 года у Габая. (Это был день ареста П.Г.Григоренко). На это изъятие был составлен отдельный протокол, фотокопией которого я располагаю.

После всего, о чем я тут рассказал, Ширковский переменял тактику, пустив в ход шантаж. Он предупредил моих родственников, что в случае публикации или появления в самиздате инструкции я буду отвечать по всей строгости закона — это его подлинные слова. Он предупредил, что будет применена 64 статья закона — измена родине, так как инструкция относится к государственным тайнам. Заложницей была также Вера Мордвинова, дочь крупного чекиста-разведчика, к тому времени уже покойного. Из их дома инструкция и попала к Якиру. Кстати, Ширковский в разговоре с моей сестрой жирно намекнул, что в случае применения ко мне 64-й статьи от них, от КГБ, будет зависеть исход психиатрической экспертизы — это, видимо, на случай применения высшей меры.

Перед новым годом я видел одного крупного лондонского издателя. Он мне сказал, что эта секретная инструкция уже издана, и с комментариями. Собственно, это брошюра с тремя инструкциями: «По осведомлению», «По разработке дел» и «По агентурной работе». Ничего более грязного и гнусного читать мне не довелось.

Второй сюжет — о псевдоосведомителях. Мне досталось шесть мнимых осведомителей с 1957 по 1982 г. Мы водили за нос охранку, как хотели. Галине Сухиной, ныне покойной, даже деньги предлагали, чтобы она организовала пьянку в ресторане. Она не взяла. Одного парня они устроили на работу на авиационный завод. Других наград не припомню. За счет этих шести я продержался на свободе, может быть, лишних 10 лет. Поэтому не могу понять Феликса Светова, который считает каждого, давшего подписку, уже поэтому продавшимся дьяволу. Сегодня легко эдак рассуждать. Я иного мнения. Но это отдельный и большой разговор.

СПБ — ЭТО ЗВУЧИТ ВЕЧНО? *

Карательная спецпсихиатрия

движется вторым эшелонem к услугам спецпатриотов

«В Казани запоешь иначе...»

Летом 1983 года я делил лефортовскую камеру с дипкурьером, осужденным на 7 лет. Откликаясь на просьбы знакомых, он привозил им из-за рубежа дефицитные фотодетали, а когда был насыщен спрос в своем кругу, стал сдавать эти детали в комиссионный магазин, как ему представлялось, вполне законно.

В КГБ рассудили иначе: дипкурьер был обвинен в контрабанде и спекуляции.

Когда я узнал, что Институт имени Сербского признал меня невменяемым, и сказал об этом в камере, контрабандист весь остаток дня и весь следующий день втихую наблюдал за мной и время от времени начинал смеяться. Спыхватившись, что соседи-то не понимают, он объяснял: «Сколько слышал об этом за рубежом — все не верил, будто у нас здоровых лечат психиатры. Наконец одного увидел собственными глазами. Тут будешь смеяться!...» А то как бы не заплакать: одна, другая моя жалоба — и направят на экспертизу как сутяжника. А диагноз уж сочинят! Надо завязывать с жалобами.

... Эта мемуареска отодвигает память еще дальше, к 1965 году. После ареста Синявского и Даниэля, за мировым негодующим шумом, мало кто знал о другом политическом розыске — по делу о распространении антисоветской рукописи. К дознанию и следствию привлекали многих, и не только в Москве. В частности, мною интересовались на одном из допросе в Сочи, где я никогда не бывал. По этому делу подверглись обыску дом Александра Меня и допросам некоторые его прихожане.

Следствие велось по установлению авторства и распространителей очерка В.Теуша, тогдашнего друга А. Солженицына. Остальное об этой истории теперь можно узнать из книги писателя «Бодался теленок с дубом». Там, впрочем, не рас-

сказано о многих подробностях допросов Ю.Штейна и В.Туркиной — свойственников Солженицына. Через них майор КГБ Гришин предупреждал меня и В.Гусарова: «Добегаются! Допечатаются!» — имея в виду нашу самиздатовскую активность.

Когда Штейн напомнил майору, что я уже обстрелян, на испуг не взять, Гришин отвечал: «Знаем. А вот когда окажется в Казани, то иначе запоет».

Проблемы наших диагнозов на лубянке решались заблаговременно. Нарисательное Казань было символом спецлечебниц вообще.

Ныне Гришин — генерал на пенсии. Его предупреждение было реализовано через 5 лет. Правда, попал я не в Казань, а в Орел.

Возмущенных выписывают

В феврале 1991 года Советский спорт выдал материал, озаглавленный «Тайны орловской психушки». Информация об одном из многих чекистских спецучреждений почти год оставалась без отклика. Но в январе 1992-го, когда засвистели ветры реванша, а у карателей возникла иллюзия наполненных парусов, администрация спецлечебницы выдвинула судебный иск о защите чести и достоинства. Редакция Советского спорта и автор «Тайн» Геннадий Майоров стали ответчиками по этому иску.

На слушаниях в течение прошлого года выступили многие свидетели. Почти все они были в разное время узниками или работниками орловской спецлечебницы. Редакцию газеты представляли на суде Геннадий Майоров и адвокат Елена Головина, о которой писали в Мценском вестнике: Надо отдать ей должное за согласие участвовать в столь необычном деле. Маститые адвокаты от этого уклонились.

Нет нужды рассказывать о наших показаниях суду, в печати было достаточно очень похожих свидетельств. Заметим только, что все рассказанное на слушаниях многократно превзошло содержание не столь уж сенсационного очерка Майорова.

Легко догадаться, каковы были показания свидетелей со стороны учреждения-истца, представленного главврачом Татьяной Котовой — подполковником внутренней службы. На заседаниях суда им не доставало только ослепительно белых одежд! Хочу, однако, выделить из этой солнечной живописи особенно трогательное. Заведующая отделением Галина Провозина поведала суду, как возмущались ее пациенты, читая статью Майорова. Их чувство благодарности было оскорблено!

Я вынужден прокомментировать артистический пассаж Галины Александровны и столь же артистические эмоции ее подопечных: это не что иное, как наиболее надежный способ самовызволения из психушки. Возмущались пациенты ради скорейшего освобождения.

Я припомнил, как осенью 1971 года, когда Провозина только начинала работать в спецучреждении и уже тогда была в звании старшего лейтенанта МВД, мы там читали в «Известиях» статью «Лжерадетели в трясине клеветы». Автор негодовал по поводу кампании на Западе, развернутой против репрессивной психиатрии в СССР. В статье впервые возникло имя Валерии Новодворской. Ее мать, сообщалось в Известиях, возмущена и протестует против западных спекуляций в отношении дочери, проходящей обычное лечение в казанской спец-лечебнице. Через короткое время юная диссидентка была выпущена на свободу.

Надо бы поинтересоваться графиком выписки пациентов Провозиной. Вероятнее всего, первыми там значатся фамилии возмущенных.

На мутных волнах реванша

До последних лет решения о направлении инакомыслящих в спецпсихушки (редко — в обычные) принимались в кабинетах КГБ, а послушные медэкспертизы и суды заняты были всего лишь оформительской работой. А в психушке чин КГБ курировал приговоренного в течение всех лет заточения — обычно скрыто, но не всегда. Олега Георгиевича Соловьева (орловский узник в 1971-1973 годы) перед

выходом на свободу приехавший чекист предупреждал, что является его пожизненным куратором. Эх они замахнулись — аж на тысячелетнее царство! Словно забыли, что в 50-е годы Хрущев расстрелял почти всю верхушку МГБ, что были 20-й и 22-й съезды, так их напугавшие. Память их и сегодня все так же коротка.

У писателя Низаметдина Ахметова, когда он после всех режимов и пыток оказался в челябинской психушке, был куратором капитан Лебедев. Шел уже 1987 год, но капитан не таился: вызывал Ахметова для промывания мозгов в кабинет врача, которого по-хозяйски выпроваживал. В той психушке главврач Николай Мовчан и прочие при появлении чекистов вставали, словно изъявляя готовность лететь по поручениям. В 1982 году лейтенант Владимир Попков в Лефортовской тюрьме КГБ говорил мне прямо, что результат экспертизы зависит от них. Это же слышали от своих следователей Юрий Grimm в 1963 году, Виктор Орехов в 1978 году и многие другие. Эдуард Ширковский, нынешний председатель КГБ Белоруссии, — тот недавно снова, как и Владимир Крючков перед путчем, пугал нас агентами влияния, — когда был он еще просто следователем в Москве, 5 июня 1970 года предлагал мне в бутырской тюрьме некую сделку, через которую открывался выход на свободу. Я сделку отклонил (весьма неделикатно) и после этого провел за решетками 4, 5 года, в том числе 3 года и 4 месяца в орловской спецпсихушке. Во времени нашего разговора я уже полгода сидел с диагнозом

Выходит, от КГБ зависело, лечить меня или не лечить, а вовсе не от врачей. В кабинете при нашем разговоре присутствовали два безмолвных врача.

Вот и спросим — хоть подполковника Татьяну Котову из Орловской спецпсихбольницы, хоть профессора Марата Вартаняна, возглавляющего ныне Центр психиатрического здоровья, хоть весь Минздрав: при чем же здесь психиатрия?

Оставшиеся работать в лечебницах и экспертных учреждениях, курируемых КГБ и МВД, полностью были подчинены далеким от медицины интересам этих ведомств. Было время, когда чекисты и психиатры это отрицали, разыгрывали негодование, как Феликс Вартанян, но уже тогда почти всем было известно, что именно эти две профессии (наряду со сферой пропаганды) дали обществу рекордное число лжецов. А год назад архивы открыли письмо Юрия Андропова в ЦК КПСС от 29 апреля 1965 года и постановления ЦК и Совмина по вопросам использования психиатрии в целях защиты советского общественного и государственного строя, то есть борьбы с оппозиционной деятельностью и антикоммунистическими настроениями. С тех пор актерское возмущение психиатров и чекистов исчезло из их репертуара. Странно, что именно тогда администрация одного из наиболее одиозных спецучреждений — Орловской СПБ — предъявила судебный иск газете Советский спорт, где одиннадцатью месяцами ранее появились не столь уж сенсационная информация об этом чекистском объекте. Перед Новым годом закончился первый этап многомесячной тяжбы в нарсуде Железнодорожного района. Решение суда в отличие от публикации газеты явилось подлинной сенсацией. Суд напрочь игнорировал главную правду о советской психиатрии — о ее, подчиненности административным органам, фальсифицированных историях болезней, ложных диагнозах, садистских пытках, загубленных и искалеченных в спецдушегубках, которые Александр Солженицын сравнил с газовыми камерами. Суд ограничился лишь проверкой соответствия назначений диагнозам, правильностью дозировок и т.д. Словно не было указа президента о реабилитации жертв политических репрессий. И суд с его экспертизой словно стремился доказать, что интенсивность применявшихся пыток не превышала стандартов, разработанных для всесоюзной карательной системы. Но ведь формально каратели не числились палачами, чья обязанность проста — приводить приговор в исполнение. Формально даже в системе карательной медицины с медиков никогда не снималась ответственность за нарушения законности, за соучастие в преступных действиях каких бы то ни было лиц или организаций. Суд интересовали не законы, а совершенно не соответствовавшие законам закрытые инструкции, ставшие предметом изучения экспертов с целью отмыть преступ-

ления слуг КГБ — придатков судебных решений, как признался один из дипломированных карателей.

Судебное решение гласит: Советский спорт должен принести труженикам психушки извинение и оплатить расходы суда на экспертизу — ту самую, из заключения которой суд сделал вывод о клеветническом характере публикации Майорова.

У нас нет сведений о составе экспертной комиссии. Кто эти люди? Сколько лет работают в психиатрии, в каком качестве; в каких учреждениях? Академик Георгий Морозов настаивал еще в 1989 году, что диагноз Григоренко и другие диагнозы инакомыслящим, поставленные им в 60-80-е годы, — верные. Морозов готов был отстаивать эти диагнозы до конца. Осенью 1991 года медицинская комиссия во главе с профессором Модестом Кабановым и с участием Татьяны Дмитриевой — директора Института им. Сербского, сменившей на этой должности Морозова, — признала морозовский диагноз ложным.

Вместо послесловия

В старом, еще самиздатовском предисловии к «Архипелагу ГУЛАГ», Александр Исаевич Солженицын писал:

«Эту книгу непосильно было бы создать одному человеку. Кроме всего, что я вынес с Архипелага — шкурой своей, памятью, ухом и глазом, материалы для этой книги дали мне в рассказах, воспоминаниях и письмах...

Здесь, — отмечает Александр Исаевич, — должен был бы следовать список из 227-ми имен...

Но не настала та пора, когда я посмею их назвать...»

Но вот, кажется, пора настала. И не только потому, что людям из этого списка по нынешним временам вроде бы и не грозит новый лагерный срок, просто большинству из них, вообще уже ничего здесь не грозит. Они ушли из жизни, оставив свои свидетельства о преступлениях коммунистического тоталитаризма, не претендуя ни на какую славу, известность и почести. Оставили, чтобы мы, наши дети и внуки не забыли о пережитой трагедии. Ведь счет жертвам ГУЛАГа идет на десятки миллионов. По оценкам экспертов, эти потери, сравнимы с общими людскими потерями СССР во второй мировой войне.

В нашей сегодняшней передаче мы расскажем об одном из тех 227 соавторов Архипелага ГУЛАГ, список которых по словам Александра Солженицына, должен предвдварять текст книги. 17 сентября 1995 года ушел из жизни известный правозащитник Владимир Львович Гершуни...

В конце сороковых — начале пятидесятых годов в недрах ГУЛАГе начали происходить незаметные для начальственного глаза перемены, которые и привели спустя 2-3 года к массовым выступлениям заключенных, положившим конец сталинскому ГУЛАГу. Эти перемены Александр Солженицын определил так: «Мы начали распрямляться». Прежде всего это стало проявляться в поведении заключенных политической — 58-й статьи. В главе «Ветерок революции» пятой части «Архипелага ГУЛАГ» есть такой эпизод:

«Мы были на прогулке, совмещенной с оправкой, надзирательница послала суку выгонять наших из уборной, тот гнал, но его высокомерие (по отношению к «политическим», как же!) возмутило молоденького, нервного, только что осужденного Володю Гершуни, тот стал суку одергивать, сука свалил паренька ударом. Прежде бы так и проглотила Пятьдесят Восьмая, сейчас же Максим-азербайджанец (убивший своего предколхоза) бросил в суку камень, а Баранюк двинул его по челюсти, тот полоснул Баранюка ножом (помощники надзора ходят с ножами, это у нас не удивительно) и бежал под защиту надзора, Баранюк гнался за ним. Тут всех нас быстро загнали в камеру, и пришли тюремные офицеры — выяснить, кто зачинщик, и пугать новыми сроками за бандитизм (о суках родных у эмведешников всегда сердце болит). Баранюк кровью налился и выдвинулся сам: «Я этих сволочей бил и буду бить, пока жив.» Тюремный кум предупредил, что нам, контрреволюционерам, гордиться нечем, а безопасней держать язык за зубами. Тут выскочил Володя Гершуни, почти еще мальчик, взятый из десятого класса, — не однофамилец, а дальний племянник того Гершуни, начальника боевой группы эсеров. «Мы — не контрреволюционеры — закричал он куму. — Это уже прошло. Сейчас мы опять ре-во-лю-цио-неры, только против советской власти.»

Ай, до чего ж весело. Вот дожили. И тюремный кум лишь морщится и супится, все глотает. В карцер никого не берут, офицеры-тюремщики бесславно уходят.

Оказывается, можно так жить в тюрьме? — драться? огрызаться? громко говорить то, что думаешь? Сколько же мы лет терпели нелепо. Добро того бить, кто плачет. Мы плакали — вот нас и били.

Теперь в этих новых легендарных лагерях, куда нас везут, где носят номера, как у нацистов, но где будут, наконец, одни политические, очищенные от бытовой слизи, — может быть, там и начнется такая жизнь?

И Володя Гершуни, черноглазый, с матово-бледным заостренным лицом, говорит с надеждой: «Вот приедем в лагерь, разберемся, с кем идти...»

И еще один фрагмент из книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

«Тот самый школьник Володя Гершуни, который предполагал в лагере, осмотревшись, понять, «с кем идти», был в первый же день поставлен укреплять лагерь — копать яму под столб освещения. Он был слаб, не одолел нормы. Помпобыт Батурин, из сук, тоже притихающий, но еще не притихший, обозвал его «пиратом» и ударил в лицо. Гершуни бросил лом и вовсе ушел от ямки. Он пошел в комендатуру и объявил: «сажайте, на работу больше не пойду, пока ваши пираты дерутся» (его этот «пират» особенно обидел с непривычки). Посадить его не отказались, он отсидел в два приема 18 суток карцера. После карцера ему, за буйство, выписали еще два месяца БУРа, то есть в той же тюрьме сидеть, но получать горячее, пайку по выработке и ходить на известковый завод. Видя, что погрязнет все глубже, Гершуни пытался спастись теперь через санчасть, он еще не знал цену ее начальнице мадам Дубинской. Он предполагал, что предъявит свое плоскостопие и его освободят от далеких хождений на известковый. Но его и в санчасть отказались вести, экибастузский БУР не нуждался в амбулаторном приеме. Чтобы все-таки туда попасть, Гершуни, по разводу остался на нарах в одних кальсонах. Надзиратели «Полундра» (психованный бывший морячок) и Коненцов стащили его за ноги с нар и так, в кальсонах, поволокли на развод. Они волокли, а он руками хватался за лежащие там камни, подготовленные к кладке. На вахте, задерживая весь четырехтысячный развод, этот слабый мальчик кричал: «Гестаповцы! Фашисты!» и отбивался, не давая надеть наручников. Все же Полундра и Коненцов согнули ему голову до земли, и надели наручники, и теперь толкали идти. Их и начальника режима лейтенанта Мачеховского не смущало, смущало почему-то самого Гершуни: как это он через весь поселок пойдет в кальсонах? И он отказался идти. Рядом стоял курносый собаковод-конвоир. Запомнилось Володе, как он тихо ему буркнул: «Ну что бушуешь, становись в колонну. Посидишь у костра, неужто работать будешь?» И крепко держал свою собаку, которая из рук его рвалась, чтобы достичь володиного горла, она же видела, что этот пацан сопротивляется голубым поганам! Володю сняли с развода, повели назад, в БУР. Руки в наручниках за спиной стягивало ему все большее, а надзиратель-казах держал за горло и тыкал коленом под вздох. Потом бросили его на пол и стали бить сапогами, попадая и по виску, пока он не потерял сознания. Через день вызвали к оперуполномоченному и стали мотать ему дело о намерении террора: ведь когда волокли его, он хватался за камни! Зачем?»

У нас в студии директор Общественного Центра содействия реформе уголовного правосудия Валерий Абрамкин, которого мы попросили рассказать о недавно скончавшемся известном правозащитнике Владимире Львовиче Гершуни.

Я познакомился с Владимиром Львовичем в середине 70-х годов. Он также, как и я был членом редколлегии журнала «Поиски», журнал выходил в 78-79 годах в самиздатовском варианте здесь в России, а потом, уже в типографском варианте на Западе. Владимир Львович был одарен очень многими способностями, в частности, феноменальной памятью, и я знаю, что многие сюжеты, которые получили отражение в Архипелаге ГУЛАГ, были написаны с его помощью.

Но главное качество его характера — это потрясающая энергия сопротивления — несправедливости, насилию, лжи. Уже в послесталинское время он за свою активную правозащитную и литературную деятельность дважды (если не считать краткосрочных арестов) приговаривался к содержанию в спецпсихбольнице. Это одно из самых страшных изобретений советской власти, с помощью которого она

боролась с инакомыслием. Тем, кому назначалась психушка, не имели определенного срока наказания. Для освобождения от заключенного требовали отказа от своих убеждений. В СПб, он провел два пятилетних срока. Первый раз он был выпущен в 74-м из-за протестов мирового общественного мнения. Второй раз он проходил по тому же делу, что и я (делу журнала «Поиски»). Я был арестован в 79-м и освобожден из лагеря в 85-м, Владимира Львовича арестовали в 82-м. В 87-м начали освобождать политзаключенных. Но и тогда от них требовали отказа от дальнейшей политической деятельности. От Гершуни они так и не добились ни отказа от своих убеждений, ни отказа от политической деятельности.

Что помогло ему выстоять? Во-первых, эта та потрясающая сила духа, о которой я говорил. Второе, это постоянная творческая работа казалось бы в невыносимых условиях СПб. Его же постоянно травил соответствующими препаратами, отбирали бумагу и карандаш. И тогда он занимался поэтическими экспериментами. В частности, перевертнями. За первый психушечный срок, их набралось на приличный сборник...

Из сценария радиопередачи ОБЛАКА. Радио России. 27.09. 94.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЦЕНТР СОДЕЙСТВИЯ РЕФОРМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Тел: (095) 206 8276, 206 8684; e-mail: mcprinf@glasnet.ru

Факс: (095) 206 8658

Стратегическая цель:

- ◆ **эффективная система уголовного правосудия, которая предполагает:**
  - ◇ обеспечение принципов общественной справедливости;
  - ◇ предупреждение преступности;
  - ◇ безопасность граждан;
  - ◇ гуманное обращение с заключенными.

Основные направления деятельности:

- ⇒ разработка концептуальных основ и законодательных предложений по структурной и законодательной реформе системы уголовного правосудия;
- ⇒ создание системы общественного контроля за правоприменительными органами и возрождение попечительства над местами заключения;
- ⇒ содействие выполнению международных норм и правил содержания заключенных и задержанных;
- ⇒ правовое и духовное просвещение населения;
- ⇒ социологические исследования и аналитические разработки.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЦЕНТР СОДЕЙСТВИЯ РЕФОРМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ создан в 1988 году. В своих разработках и предложениях Центр опирается на традиционные ценности российской культуры. Принцип независимости от госструктур и политических движений, дополняется принципом сотрудничества с органами законодательной, исполнительной и судебной власти. Сотрудники Центра участвуют в общественных слушаниях, подготовке изменений и дополнений, экспертной оценке практически по всем законопроектам в области уголовного правосудия.

Центром был разработан пакет законодательных предложений, которые легли в основу «Закона о внесении изменений и дополнений в ИТК, УК и УПК РСФСР», подготовлен блок предложений, вошедших в Федеральную программу действий в области прав человека, выпущена книга «Как выжить в советской тюрьме» («В помощь узнику»); на основе исследований, проведенных социологической группой Центра, подготовлены и выпущены первые две книги серии «Уголовная Россия — Тюрьмы и лагеря»: «Тюремный мир глазами политзаключенных» и «Письма из зоны».

Директор Центра: *Валерий Абрамкин*, известный правозащитник, бывший политзаключенный, член Московской Хельсинской группы, член «Международной тюремной реформы» (Penal Reform International), автор нескольких книг, еженедельной радиопередачи для заключенных «Облака» (Радио России).

**ГЕРШУНИ ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ
(1930-1995).**

Племянник лидера боевой организации эсеров Г.А.Гершуни. Правозащитник, автор самиздата. Поэт-авангардист, исследователь фольклора. В 1949 г. осужден на 10 лет ИТЛ за участие в молодежной антисталинской организации. Срок отбывал в Степлаге, где встретился с писателем А.И.Солженицыным. Впоследствии В.Л.Гершуни помогал ему в сборе материалов к "Архипелагу ГУЛАГ". После освобождения в 1955 г. был

автором и активным распространителем самиздата, участвовал в правозащитном движении, поддерживал обращения Инициативной группы защиты прав человека в СССР. В октябре 1969 г. арестован по обвинению по ст.190-1 УК РСФСР, помещен в СПБ. г.Орла, затем, в психиатрическую больницу общего типа в Москве. Освобожден в 1974 г. С 1971 г. публиковался в советской и зарубежной периодике под псевдонимом В.Львов (всего к 1982 г. около 200 публикаций). В 1978-1980 гг. член редколлегии и автор свободного московского журнала "Поиски". С 1978 г. - член Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ). В 1980 году во время Олимпиады помещен в психиатрическую больницу в Москве. С весны 1980 г. по июнь 1982 г. - член редакции информационного бюллетеня СМОТ. В июне 1982 г. арестован, помещен в СПБ, в г.Талгаре под Алма-Атой. Освобожден в 1987 г. В общей сложности провел в лагерях и СПБ 16 лет. Автор статей по истории диссидентского движения, по русской словесности. Известен как поэт, автор полиндромов.